

ДИ ТЕМИДА

СОНОРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ди Темида Сонора

<https://litres.ru/73891094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя 380 лет после ядерной войны, именуемой Всемирной, оставшиеся города США и Мексики делят последние ресурсы на незаражённых радиацией территориях. Фелиция Фоксхайд, талантливый радиохимик, переезжает в Тусон вслед за женихом. Спокойная жизнь и работа в исследовательском центре оборачиваются для неё высокими ставками на выживание: запасы питьевой воды в Тусоне на исходе, назревает военное столкновение с соседним городом Финикс, а по ту сторону нового места жительства – безжалостная пустыня Сонора. Собственная жизнь Фелиции оказывается под угрозой, когда она попадает в таинственный подземный город Ногалес, сокрытый в барханах безжизненной пустыни. Привычные догмы рушатся, близкие люди предают доверие, а старые убеждения больше не имеют значения. Правда бывает губительнее радиации. Но готова ли Фелиция принять ее, как и сторону врага, в разворачивающемся конфликте выживших городов, который может стать для них последним?..

Содержание

Глава	4
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	67
Глава 7	78
Глава 8	97
Глава 9	110
Глава 10	126
Глава 11	137
Глава 12	150
Глава 13	164
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Сонора

Глава

Дисклеймер от автора: При создании данной истории автор опиралась на реальные научные факты, термины радиофизики и радиохимии, а также использовала существующие географические места и территории, однако некоторые из вышеперечисленных фактов скорректированы в угоду художественности книги. В тексте может встречаться нецензурная лексика. Мораль героев не имеет ничего общего с моралью автора. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, явлениями или схожими идеями иного медиаконтента случайны.

Радияция является поражающим фактором для человека, от которого нет лекарства и спасения. Помните, что любое взаимодействие с его повышенным уровнем чревато для вашего здоровья.

Тропы, которые встретятся в истории: постапокалипсис, США\Мексика, наука и ученые, военные, мир после катастрофы, сцены жестокости, пытки, химия между героями, секс, любовный треугольник, измена, элементы детектива, элементы ангста, открытый финал, сложные отношения, серая мораль, неоднозначные персонажи, умная героиня, радиация, химики, преступные кланы, вымышлен-

ные элементы географии и науки, повествование в настоящем времени, повествование от первого лица

One man can build a bomb, another, run a race
To save somebody's life and have it blow up in his face
I'm not the only one who finds it hard to understand
I'm not afraid of God, I am afraid of man
(*Marina & The Diamonds — Savage*)

Моральный облик — понятие чересчур неоднозначное, чтобы браться судить кого-то, забывая при этом выстирать свое белое пальто.

(Эра Думер, автор цикла “Игла и Ключ”)

Глава 1

С погодой сегодня везет больше, чем на прошлой неделе. Несколько до сих пор работающих радиоканалов наперебой вещали о многочисленных осадках на юге страны, поэтому мы решили повременить с моим переездом из Финикса в Тусон. И этот день наконец-то настал.

Иногда так хочется вернуть времена, когда плотная стена дождя была лишь визуальной преградой передвижению... Сейчас и вот уже четвертое столетие подряд первостепенную опасность составляет то, *что именно* несет в себе эта влага. Хочется... Мечты-мечты. Теперь мы сосуществуем с радиацией бок о бок. А дразнить невидимого убийцу, выезжая в дождь, в котором он может содержаться, лишний раз нежелательно.

— Фелиция, ты уверена, что тебе нужен этот старый сак-вояж? — мягкий голос Райана выводит меня из раздумий.

Отвожу взгляд от неба с палящим солнцем. Улыбнувшись своему без пяти минут мужу, подхожу ближе к сложенным вещам для переезда. С утра он и его команда прибыли за мной из Тусона на двух военных «Хаммерах», только вот сумок оказалось многовато даже для таких машин. Любуюсь крепкой фигурой Райана, его ответной озорной улыбкой и ямочкой на подбородке, и ловлю себя на мысли, как же мне с ним повезло... И как я до щемящего чувства внутри влюб-

лена в него.

— Там важные документы, не хочу оставлять их на отправку с оставшимися коробками. Лучше заберу с собой, положу в ноги в салоне.

— Труды мистера Фоксхайда до сих пор заменяют тебе сказки на ночь? — игриво усмехается Райан, на что я тянусь к его щеке губами.

— Только в те ночи, когда ты на службе, — отвечаю провокационным шепотом, хотя остальные военные отряда далеко, и оставляю долгий поцелуй на темной щетине.

Райан забавно играет бровями и берется за следующую сумку, чтобы донести до багажника. Я усмехаюсь, уворачиваясь от угрозы шлепка по ягодице, и сажусь на корточки. Раскрываю горчичного цвета саквояж, внимательно осматривая содержимое. Вряд ли научные разработки и исследования дедушки по нейтронным бомбам можно назвать сказками на ночь, но проводить за чуть выцветшими листьями время, читая выводы и погружаясь в формулы, мне нравится все так же, как и когда-то раньше. Когда я и сама решила посвятить себя науке, выбрав химию, хотя несколько лет назад дедушка, физик-ядерщик, уговаривал пойти по его стопам.

— До Тусона ехать четыре часа, — говорит подошедший обратно Райан то, что я и так знаю. — Если тут у нас пока все, пойду проверю готовность остальных и вернусь. Ветер не раздражает? Может, подождешь в машине, детка?

— Да, сейчас...

Райан кивает и уходит ко второму «Хаммеру», у которого возятся трое — Майкл, Джеффри и Карла. Первый по совместительству хороший приятель Райана, знающий его с детства. Джеффа взяли в отряд недавно — уже успел отличиться где-то на задании. А к Карле мы привыкли обращаться по позывному «Дакота». С момента приезда и встречи со мной она почему-то не проронила ни слова. Я знаю сослуживцев Райана столько же, сколько его, за исключением Джеффа, и если с ним и Майком никогда не было проблем, то с Дакотой приязнь как-то не сложилась.

М-да. Целый кортеж для сопровождения невесты командира, разве что на внедорожниках цвета хаки нет украшений...

Хмыкаю собственным мыслям и аккуратно продолжаю перебирать папки с трудами дедушки. По виску скатывается капля пота: когда прибудем в Тусон, первым делом организую себе душ. Укладываю папки получше и закрываю выцветший замок. Выпрямляюсь обратно и чувствую, как в глаз что-то попадает: отбросив волосы назад, осторожно снимаю очки и краем ногтя пытаюсь решить проблему в уголке. Пыли сегодня особенно много, и это мы еще не добрались до пустыни...

Зрение в минус два тут же подводит, не имея перед собой привычных линз. И в тот момент, когда я кое-как водружаю очки на переносицу, успеваю заметить... *нечто странное*. Рядом с моим Райаном проходит всегда хмурая и ти-

хая Дакота, которая вкладывает в его ладонь что-то небольшое. Хм... Но стоит проморгаться, еще раз поправить очки и всмотреться в картинку через капот внедорожника, как все меняется: она поодаль, Райан отворачивается от товарищей, что-то кладет в салон второй машины.

И я... всерьез начинаю сомневаться, что это действие на самом деле было.

Руки жениха упираются в бока военной формы, среди пальцев ничего не зажато. Дакота же вообще не смотрит ни на кого, копошится в огромном металлическом ящике с инструментами. Она — военный механик, сколько я ее помню и знаю, всегда возит его с собой.

Хм.

Показалось?..

Спрошу позже у Райана, если все-таки не смогу убедить себя в этом окончательно.

Территория между Финиксом и Тусоном почти не тронута после ядерной войны. По крайней мере, проносящиеся за окном участки вечнозеленых лесов кажутся незыблемыми, словно никогда рядом и не было взрывов, падающих бомб разной категории и ядовитых ядерных облаков. Из-за особенностей климата и воздушных потоков здесь даже не бывает бурь, в отличие от соседних территорий.

Единственное, что выдает текущее положение дел, намекая на все-таки критические изменения — сухостой вместо лужаек и цветущих полей когда-то. С тоской смотрю на остающиеся позади выжженные поля, на которых больше ничего не всходит. И вряд ли взойдет в ближайшие двести-триста лет.

Наверное, в Тусоне так же, как и в Финиксе, всю нагрузку по возвращению урожая перебросили на воссозданные теплицы. Я бывала в Тусоне лишь трижды, когда отношения с Райаном начались с редких, но жарких свиданий в его квартире, так что погрузиться в особенности жизни соседнего города детальнее пока не удалось. Все же чаще мы проводили время у меня в Финиксе, благодаря регулярным командировкам Райана. Как раз в одной из таких мы встретились друг с другом...

— Скажи, что ни о чем не жалеешь, — тихо, так, чтобы услышала только я, говорит он и дотрагивается до моего безымянного пальца, на котором простое металлическое кольцо.

Бросаю быстрый взгляд на подчиненного и друга Райана, Майкла, сосредоточенно ведущего «Хаммер», затем вновь опускаю на ладонь: кольцо медленно крутится вокруг пальца, ласково движимое моим мужчиной в ожидании ответа.

— О браке с тобой? — также снизив тон, игриво отвечаю я. — Или о переезде?

— Второе, конечно... — усмехается Райан и тянется, что-

бы пощекотать мой бок.

Его вопрос не застает меня врасплох. Я думала об этом. Немало. Взвешивала, анализировала, просчитывала, почти как если бы проводила очередной химический опыт, с той лишь разницей, что это одна из важнейших колб моей жизни и в ней ярким неоном плещутся чувства. Да, у нас с Райаном в последний месяц не все было гладко. Но он любит меня, а я — его, и нет ничего главнее. Совместная жизнь наконец поможет исправить многие шероховатости.

— О, то есть в первом сомнений нет? — ухмыляясь в ответ, уворачиваюсь и спустя полминуты лну к его плечу, внимательно смотря вперед. Вздохнув, все же отвечаю: — Ты знаешь, как я люблю Финикс и как привыкла к нему, но... Кто-то из нас в любом случае должен был это сделать.

Райан обнимает меня крепче, прижимая к себе.

— Если ты все еще переживаешь насчет работы, знай, я уже подал рекомендации в исследовательский центр Линкольна. Уверен, тебя возьмут.

Равнодушным взглядом скольжу по бортовой панели «Хаммера» с простым навигатором и прикрепленным рядом счетчиком¹, отображающим приемлемый уровень радиации в воздухе — две десятых микрозиверта в час. Скрывая следующий вздох, обреченнее предыдущего, отвечаю:

— Ты же знаешь, рекомендации военного блока не подой-

¹ Счетчик Гейгера — устройство, позволяющее в моменте измерять радиационный фон.

дут, нужно...

— Знаю, знаю, — мягко перебивает Райан, целуя меня в макушку. — Но они подписаны Фергюсоном, а это что-то да значит.

Едва заметно пожимаю плечами, все же не позволяя себе слишком обнадеживаться. В главной лаборатории в Финиксе, где я провела последние четыре года в качестве ведущего радиохимика, лишь одна проблема — ее начальник. Саймон Лэнгли на дух не переносил ни меня, ни весомые результаты моих исследований. От общения с ним я получила больше интоксикации, чем за все время взаимодействия с зараженной торием водой. Игнорировать Лэнгли стало проще, когда в моей жизни появились поддержка Райана и понимание сродни запоздалому озарению, что работу я все равно люблю больше, не собираясь так легко сдаваться и увольняться в никуда. Но карьеру под конец Лэнгли мне подпортил, не позволив просто перевестись из одного научного центра в другой. И не дав рекомендаций.

Я знаю, что ученые в исследовательском центре Линкольна не особо жалуют военных, так что слово генерала Фергюсона, давшего свою обратную связь по просьбе Райана, вряд ли станет решающим при принятии меня на новое место. Только вот сам Райан все еще верит в обратное.

— Как скажешь... — миролюбиво говорю я, чуть приподняв голову и замирая: жесткая линия челюсти в привлекательной близости, и будь мы одни в машине, уже готова была

бы провести по ней языком. Рутинные дела последних дней не позволяли насладиться друг другом как следует. — Вариант с колледжем не отмечаю.

Райан, кажется, замечает мое пристальное внимание, чуть отстраняется, а потом быстрым движением касается губ своими.

— Даже если так, — ты будешь отличным преподавателем, Фици. Строгим, но справедливым. — еще один невесомый поцелуй, и он смеется: — Непутевых учеников, которые ничего не конспектируют, как вариант, можешь топить в уране.

На словах про конспекты на задворках сознания вспыхивает короткое воспоминание о том, что я хотела у него спросить про померещившуюся записку, но... Что-то меня останавливает. Думаю, и вправду показалось.

Прикусив губу, сдерживаю ответную улыбку и комментарий о том, что уран изначально является металлом, в котором вряд ли кого-то утопишь. Мы с Райаном из разных миров, с разным уровнем образования, которое, благо, все еще возможно на территории почти вымершей страны, но одно я уяснила для себя точно: блистать знаниями лучше на работе, а не для того, чтобы поправлять своего мужчину. Он с неохотой слушает о химии, я же изредка лезу к нему с вопросами о военном деле. Пока нам удастся мирно сосуществовать друг с другом, несмотря на определенные различия.

Совсем как двум радиоактивным элементам по соседству

в таблице.

С той лишь разницей, что нас друг к другу тянет...

Въезжаем в пределы такого же обнесенного стеной с колючей проволокой, как и Финикс, Тусона, и я сразу ощущаю изменения. Застывший воздух, ни сквозняка, ни дуновения. Сухость сковывает глотку, словно не я часом ранее предусмотрительно выпила в дороге бутылку воды. Проезжаем пыльные улицы небольшого, в сравнении с Финиксом, городка, и Райан попутно объясняет мне, что и где находится. Стараюсь в этот раз лучше запомнить отличительные особенности зданий, что не так трудно: характерные склады, лазарет, мелькнувший на небольшой центральной площади колледж, невдалеке от него исследовательский центр Линкольна, жилые дома и малоэтажные строения, военная база и даже небольшая церковь.

Улыбаюсь, когда вижу, как проезжаем мимо единственного заведения «Тропа», куда когда-то Райан пригласил меня на первое свидание. Приятно, что люди за эти столетия сумели сохранить что-то: хоть и с ограниченным меню и ингредиентами, но кухню, которая когда-то звалась итальянской; возможность посидеть за столиками, словно мир так же беззаботен, как и прежде; и даже музыку. Например, при последнем посещении мне посчастливилось послушать гита-

риста.

Солнце печет небосвод, обрушивая лучи на наши головы, едва выходим из машин. На разгоряченном асфальте тут и там виднеется песок. Поднимаю взгляд, упираюсь им в высокие и широкие ворота с двумя вышками и контрольно-пропускным пунктом у другого конца города, куда мы прибыли. Ощущаю, как задерживаю дыхание: за бетонно-металлическими, неприступными стенами — причина здешнего климата...

Сонора. Безмолвная, зловещая Сонора...

Пустыня, в которую не стоит соваться одному.

Некогда бывшая естественная граница двух государств, стертых с лица планеты.

Мир, где жизнь все еще борется за существование среди неприветливых ландшафтов и песка.

Я мало слышала о ней, обросшей легендами за прошедшие столетия.

Сонора не ведает пощады — так говорит старшее поколение.

Отвожу взгляд, вспоминая кадры зафиксированных хроник, которые мы проходили в юности.

Сонора — территория, на которую триста восемьдесят лет назад упало несколько нейтронных бомб. Повезло, что не ядерных. Повезло, как и нам, а вот остальным...

— Туда вы выходите на обмен? — едва слышно спрашиваю Райана, кивая на ворота.

Территория, на которой до сих пор остались несколько населенных пунктов. Среди них...

Райан оглядывается через плечо и подходит к багажнику, отвечая:

— Да, детка. Ногалес там, но ты помнишь, да?..

— Да, — тут же спешно реагирую я и вытаскиваю сакво-
яз, — помню, что это запретная территория. И они нам не союзники.

Стараюсь больше не смотреть на ворота, словно там, прямо за ними впритык и находится безжалостный подземный Ногалес, с которым раз в две-три недели военные Тусона осуществляют обмен. Знаю, что до него несколько часов пути, Райан упоминал об этом, когда его подразделению передали задачу по встречам с представителями Ногалеса, в остальном...

Не могу оценить масштаб: город ли там или небольшое поселение с шахтами? Темная известность Ногалеса обеспечена не меньшим количеством легенд, чем сама Сонора. Райан не любит говорить об этих встречах в пустыне, поведав однажды лишь то, что мы поставляем жителям Ногалеса медикаменты, текстиль и оборудование, а они взамен обеспечивают нас свинцом.

Военный департамент моего родного Финикса и вовсе предпочитает не иметь никаких дел с «преступными отбросами оставшегося цивилизованного общества» — дословная цитата, которую доводилось слышать.

Отворачиваюсь. Ощущение, словно сама опасность дышит в ворота с той стороны, меня не покидает, легким ознобом покрывая взмокшую шею.

— К воротам подходить тоже не стоит? — на всякий спрашиваю я вдогонку, пока Райан выгружает сумки, а подоспевший Майкл с вежливой улыбкой забирает у меня часть вещей.

Все-таки вновь оборачиваюсь, попутно отгоняя навязчивые мысли о подземном городе пустыни.

По линии стены медленно двигаются вооруженные военные, внимательно осматривая невидимые нам пески с той стороны. На наблюдательных башнях я тоже вижу солдат, держащих автоматы.

— Можно взглянуть разок на закаты с вышек, они здесь красивые, — подмигивает мне Райан. — Поднимемся сегодня, Фици, если захочешь. Но в саму Сонору без сопровождения, напоминая, соваться не стоит, да и вряд ли тебе понадобится...

— Надеюсь, никогда не придется, — хмыкаю, не представляя образ одиноко шастающей себя по барханам. — Я не против сходить на вышки, заодно и познакомиться с другими твоими коллегами, только сначала хочу обустроиться и узнать насчет вакансии в Линкольне. И душ не помешает...

— Как пожелаешь, детка. — Райан проводит по моей щеке пальцами.

Я краду у него быстрый, но жаркий поцелуй, и следующие

минут пять мы идем к стоящему на границе со стеной неприметному, но миленькому домику, который выделил генерал Фергюсон, узнав о скорой свадьбе своего подчиненного.

Напротив очень маленький сквер и местная прачечная. Майкл и Джеффри, нагруженные, идут за нами, а Дакота напоследок посылает странный взгляд, молчаливо кивая, и возвращается к машинам.

Но задумываться о его природе мне некогда: все внимание захватывает наше с Райаном уютное жилище. Я с предвкушающей улыбкой переступаю порог, и уже через несколько минут напроць забываю даже о застывшей, но будто все еще ожидающей меня за городскими стенами Соноре.

Глава 2

Свежести, покрывшей кожу после душа, хватило ненадолго. Включив вентиляторы на кухне и в спальне, я иду с мокрой головой в гостиную, с облегчением осознав, что вещей разбирать не так много. Завтра приедут оставшиеся две коробки, так что предстоящее воскресенье можно будет выделить на более вдумчивое распределение и уборку.

Еще надо зайти на склад: перед тем, как вернуться к службе, Райан как раз оставил специальный пропуск для получения продовольствия и товаров. Оглядев пространство, заставленное простой, но симпатичной светлой мебелью, позволяю себе короткую довольную усмешку и принимаюсь сушить волосы полотенцем.

В еще не обжитом доме такой же, как и на улице, нагретый воздух, правда, теперь разгоняемый лопастями вентиляторов в двух комнатах из четырех, так что с задачей справляюсь быстро. Хоть какой-то плюс от такого климата, когда имеешь густые, тяжелые волосы.

Мысленно выстроив маршрут «исследовательский центр — склад — дом», надеваю легкую футболку и брюки. Бросаю быстрый взгляд в единственное зеркало в небольшой прихожей, оцениваю вид — аккуратно, опрятно, без лишнего официоза для первой встречи в центре Линкольна, которая не факт, что закончится полноценным собеседованием.

Беру компактный рюкзак и вновь выхожу наружу: духота словно хочет снести с ног, стоит оставить вентиляторы позади, но я поджимаю губы, со стоическим смирением заставляя себя свыкнуться с мыслью, что жара — теперь мой постоянный спутник.

Пока пешком добираюсь до центра Линкольна, перебираю в уме аргументы, которые смогу использовать, если все же собеседование с начальником лаборатории состоится. При отправке запроса неделю назад внятного «да» или «нет» от центра мне так и не дали. В идеале получить бы ту же должность, что и в Финиксе, и работать с радиационным анализом воды или же почвы, но посмотрим: вдруг радиохимик им не нужен? Наверняка же есть свои специалисты.

Проверяю наручный счетчик рядом с часами, похожий на них — в пост-катастрофном мире неотъемлемый атрибут каждого жителя оставшихся городов, и замечаю колебания от нуля целых семи десятых до одного микрозиверта в час. Что ж, влияние Соноры чувствуется вовсю, и это я даже ее не видела воочию. Зараза...

Любимый упомянул, когда они с ребятами заносили в дом вещи, что аптек в Тусоне, как в Финиксе, нет, так что медикаменты стоит тоже поискать на складе. Надо озаботиться и добыть йодид калия², вернуться к приему — приемле-

² Йодид калия, принятый внутрь, способен насытить щитовидную железу нужным ей минералом и предотвратить таким образом накопление в организме радиоактивного изотопа, однако не является мерой по спасению или лекарством от радиации.

мый радиационный фон в родном городе за последние месяцы меня подрасслабил. Так себе вариант, но какая-никакая профилактика.

На улице мелькают люди, неторопливо идущие по своим делам, и скрипящий песок под ногами, очевидно, раздражает лишь меня одну. Жара прицельно давит сверху, и отсутствие в Тусоне достаточного количества раскидистых деревьев не дает и шанса на спасение в тени.

«Спокойно... Ты привыкнешь», — в сотый, пожалуй, раз за последние дни говорю я себе, откинув назад затесавшийся на плечо хвост волос, и продолжая идти.

Привыкну к новому статусу, когда в церкви мы официально закрепим отношения. Хотя я еще больший атеист, чем Райан, свадьба по старым традициям — лишь дань этим самым традициям. Привыкну к быту и изменившемуся ритму жизни. Привыкну к новому, хоть и знакомому городку, к опасной пустыне прямо под боком. К иным условиям, к другим людям, к *новой себе*.

Главное — не привыкнуть к ма-а-аленьким, гложащим меня проблемам в отношениях с почти-что-мужем, в последние две недели изредка проявляющим себя. То усталость, то легкое обоюдное недопонимание, то раздражение: явные минусы только свиданий и бывшей жизни порознь на протяжении почти что года.

Все исправится. Уверена. И сложится наилучшим образом.

Сложится же?..

Ожидаемо терплю поражение. На своеобразном ресепшене исследовательского центра миловидная сотрудница, на бейджике которой выведено «Джессика», сообщает о том, что мое досье и резюме из Тусона пока не прислали, хоть и электронное письмо от Фергюсона получено, да и открытых вакансий сейчас пока нет.

Несмотря на старания Райана и рекомендации от генерала, попасть в Линкольн сразу я и не рассчитывала. Когда началась война, большая часть интеллигенции и, в частности, выживших ученых сосредоточилась в Финиксе, но несмотря на это, исследовательский центр в Тусоне разросся до более весомых масштабов. Стал престижнее. Если, конечно, в нашем мире «престиж» имеет хоть какое-то значение...

Неудивительно, что не сложилось. Горечь хоть и затапливает нутро, накатывая малыми волнами, все же с улыбкой прощаюсь с Джессикой, любезно взявшей у меня адрес для дальнейший связи при необходимости, и покидаю первый этаж центра.

Что ж... Добавляем в маршрут еще один пункт.

Колледж так колледж.

Там меня хотя бы ждут. Быть преподавателем по химии — не предел мечтаний после всей проделанной практической

работы в Финиксе, но перспектива становиться домохозяйкой, ожидающей каждый вечер мужа со службы, не прельщает еще больше.

Переходя дорогу, слышу гудение двигателей редких, в основном, военных автомобилей. Песок завихряется под ногами в легком танце, и когда я облизываю губы, ощущаю, как будто сама уже на девяносто процентов состою из мелко-дисперсных оранжевых песчинок. Можно было и отложить все дела до понедельника и просто остаться нежиться в новом доме под дуновением вентилятора, но определенности в собственной судьбе хотелось больше. Не в моих правилах откладывать что-то в долгий ящик. Да и нынешний кодекс жизни не позволит, как бы ты этого ни хотел.

Линзы очков покрываются пылью: приходится периодически снимать их, протирать и возвращать на переносицу. Я могла бы обойтись и без них: вдаль на расстоянии футов двадцати — двадцати пяти зрение еще держится, а вот после уводит в расплывчатые образы. Но не стала рисковать в пока еще малознакомой обстановке нового города.

Обещая себе принять душ как минимум еще трижды за сегодня после такого упрямого похода по залитым солнцем улицам, выхожу на следующую. Вдоль дороги тянутся щербатые лужайки с терновниками и колючими растениями, которые с трудом пробиваются сквозь раскаленный грунт. И я вижу нужное здание.

Колледж выглядит словно оазис знаний посреди раска-

ленного бетона других домов. Стены выстроены из темно-зеленого кирпича, чистые, что удивительно, не покрытые налетом окна, высокие арочные порталы дверей. Рядом небольшой стадион, и — о чудо — я наконец-то вижу еще один отенок зеленого. Газон и несколько елей. Сверившись с часами, подхожу к входу и толкаю массивную дверь.

Легкая прохлада холла сродни освобождению... Застываю, переводя дух, осматриваюсь: вижу пару учеников, скамейки, несколько дверей. И только хочу двинуться к стенду с указателями, как из-за угла коридора появляется пухленькая женщина.

— Вам помочь? — вежливо и заинтересованно спрашивает она, замечая меня. Останавливается, переложив несколько папок и планшет из ладони в другую.

— Да, — тут же нахожусь я, поправляя рюкзак на плече. — Здравствуйте. Могу ли я встретиться с директором? Я — Фелиция Фоксхайд. Узнавала неделю назад о должности учителя химии.

— Как все прошло?

Райан еще в прихожей, но я слышу его сквозь журчание воды из-под крана: только закончила с незатейливым ужином.

Выложив рядом с рисом на тарелку бобовые, тянусь к пол-

ке, чтобы достать кукурузные лепешки. Его любимые.

— Меня взяли, — коротко и громко бросаю я, намеренно сохраняя интригу, и продолжаю слышать возню еще не вошедшего жениха.

Поход на склад завершился успехом, как и общение с директором колледжа, Джошем Форестом, и подготовка под радио окончательно закрепила улучшившееся настроение.

Чувствую спиной появление Райана, затем его горячие руки обвивают талию. Под получаемый поцелуй в шею добавляю:

— В колледж.

Обернувшись в объятиях, смотрю на чуть уставшее, но удивленное лицо, на котором стремительно меняются эмоции: мой мужчина пытается понять, насколько я расстроена, я же прячу усмешку, решив его больше не мучить.

— Приступаю в понедельник, — говорю с бодростью и отвечаю на короткий поцелуй, за которым тянется Райан.

В ноздри ударяет запах его мятного геля для бритья и едва заметный — машинного масла. Странно. Впервые чувствую такой, возился с «Хаммерами» сегодня?

— Поздравляю, но... Как же Линкольн, детка? — Он мягко оставляет меня и, при всей своей крупной фигуре, ловко юркает к столу, тут же схватив лепешку.

Уставившись на меня в ожидании ответа, принимается за нее, не дождавшись основного блюда.

— Говорила же, вряд ли что-то выйдет, — с коротким

вздохом проговариваю я, взяв обе тарелки, и ставлю на стол, присаживаясь напротив. — Подписи твоего любимого генерала тоже не помогли: в Линкольне сейчас нет вакансий, и...

На мгновение замолкаю, собираясь с мыслями, чтобы продолжить, но Райан беззаботно отмахивается:

— Ладно, не бери в голову. Выйдем сегодня полюбоваться закатом?

Смыкаю приоткрытые губы, так ничего больше и не сказав, и наблюдаю, как Райан принимается поглощать рис. Ощущаю, как скорость его беспечной реакции меня слегка колет. С одной стороны, я действительно рада должности учителя, с другой — хочется больше поддержки и эмпатии, которую ждала весь остаток дня и теперь при встрече не получила.

Не в первый раз...

Что-то будто незримо меняется в воздухе. Все еще смотрю на Райана, с аппетитом поедающего ужин, который и не замечает мою заминку. Взявшись за вилку, миролюбиво говорю, отчасти даже не солгав:

— Не сегодня, малыш, я устала.

Отметка усреднившегося настроения за день медленно начинает ползти вниз. Закат точно не справится с обратным выравниванием, поэтому подождет: любоваться Сонорой сегодня больше нет желания. Райан безропотно кивает, и я решаю перевести тему, пока осадок внутри, как на дне колбы после химической реакции, не охватит меня всю:

— А как прошел твой день?

— Неплохо. Прошел бы лучше, если бы гребаные кланы Ногалеса не перенесли поставку на неделю позже...

Дожевав получившийся суховатым рис, уточняю:

— Такое часто происходит?

— Второй раз. Не хочу, чтобы засранцы считали это нормой. — Райан хмурится, потянувшись за салфеткой. — Хотя тот же Фергюсон и бровью не ведет. Бесит его подход...

— Ну, если отсрочка ни на что критически не влияет...

Делаю радио чуть тише и вновь берусь за вилку. Райан же, кажется, заводится сильнее, и я уже жалею, что углубилась в его дела.

— Ты не понимаешь, Фици. — Фраза звучит без упрека, но я все же проницательно уставляюсь в ответ, когда он откладывает салфетку и смотрит на меня. — Этот так называемый *Жнец*, будь он проклят, нами помыкает. Хотя мы на равных условиях: его люди не меньше нашего нуждаются в продовольствии, чем мы в их свинцовых рудниках. Что его, что его брата — убил бы собственными руками.

Догадываюсь, что речь идет о представителях Ногалеса, но решаю не вникать в детали. Но вот проигнорировать другое не могу, тут же тихо, поучительно произнеся:

— Из-за схожей нетерпимости когда-то все и началось, малыш.

Райан улавливает намек. Триста восемьдесят лет назад Всемирная ядерная война началась со Штатов и Мексики. С

незаконной торговли и поставок. С человеческой глупости, лицемерия и непримиримости. Люди в оставшихся трех десятках городов на всей земле, кажется, до сих пор не уяснили главного.

Нас мало, ресурсы ограничены: нет бы сделать выводы и начать адекватное постоянное сотрудничество с учетом ошибок прошлого...

Мой мужчина меняется в лице, прищурившись. Между нами повисает тягучее молчание, но я не собираюсь забирать свои слова обратно: его горячность, конечно, объяснима, но опять же...

— Спасибо за ужин, милая, — сухо говорит вдруг Райан, подводя черту под разговором, а я еле удерживаюсь, чтобы не закатить глаза, когда он встает из-за стола.

— Райан, — все же делаю попытку как-то остановить его, чтобы разрядить ставшую напряженной обстановку, но он задерживается лишь на миг и уходит в гостиную под брошенное *«Пойду прилягу»*.

Позволив себе долгий и тяжелый вздох, откидываюсь на спинку стула, уставившись на остатки еды на столе. Радио, крутящее очень давние сохранившиеся песни, постепенно умолкает, переводя вещание на строгую сводку по уровню радиации в ближайших к Тусону городах, а я... Не вслушиваясь, думаю о том, что завтра наверняка все должно стать лучше.

Ведь если придавать значение всему и не подбадривать

себя, бездна сомнений поглотит полностью.

Глава 3

— Мисс Фоксхайд, правда, что вы работали с радиацией?

Звонкий голос девочки по имени Кейт Льюис разрезает устаканившуюся тишину с начала урока. Моего первого урока для небольшого класса детей двенадцати-четырнадцати лет. Я оборачиваюсь, опустив руку с мелком, до этого выведшую на темно-синей доске термины: молекула, атом, химический элемент.

Улыбнувшись девочке и переведя взгляд на всех остальных восьмерых учащихся, тут же вскинувших головы и внимательно уставившихся на меня, отвечаю:

— И да и нет, мисс Льюис. С радиацией не работают, работают с радиоактивными элементами, предметами и материалами.

Кейт чуть краснеет, но кивает.

— Итак, запишите, пожалуйста: атомы в молекуле соединены с помощью химических... — продолжаю я едва начавшуюся лекцию, вновь отвернувшись к доске, но раздаётся другой голос — кажется, Дилана.

— Расскажите про бомбы.

подавляю тяжелый вздох и в этот раз чуть медленнее разворачиваюсь. Подростки смотрят на меня испытующе, чуть с опаской, но без тени претензии: ощущения, что урок намеренно срывается и это проверка нового преподавателя, нет.

Я догадываюсь, о каких бомбах спрашивает Дилан. Интерес к этой теме понятен и предсказуем, но...

— А правда, что теперь создание бомб на ядерном топливе запрещено? — слышится взволнованный писк с другого конца стола, и тут я окончательно собираюсь с мыслями.

— Вы задаете крайне любопытные вопросы, — неторопливо киваю и Дилану, и Кейт, и всем остальным. — Но для того, чтобы мы могли обсудить эти темы, вам стоит погрузиться в начало сегодняшнего урока.

Вижу мелькнувшее разочарование на таких разных лицах и с улыбкой добавляю:

— Потому что все начинается с атома. — Отложив мел и быстрым движением вытерев пальцы о влажную салфетку, сажусь за стол.

Одна из прелестей нынешней системы образования, которая мне очень нравится — круглые столы, за ними дети и преподаватель общаются как будто на равных. Никаких отдельных парт. И, увы, никаких печатных учебников: бумага теперь довольно ценный и редкий атрибут. Все уведено в электронный формат, кроме тех же тетрадей для основных дисциплин.

— Раздел, изучающий, скажем так, бомбы, — терпеливо объясняю я, глядя на каждого по очереди, — относится первостепенно к физике. К ядерной физике. А теперь, пожалуйста, найдите в архиве данных тему «Атомы и молекулы» и законспектируйте определения.

— Мне папа рассказывал про уран и войну, — тихо добавляет Кейт, придвинув чуть потрепанный блокнот.

Замечаю отсутствие мизинца на ее ладони, но тут же перевожу внимание. Родиться в этом поколении, не имея заметных физических мутаций, поистине чудо. У кого-то проблемы с волосяным покровом, у кого-то — с конечностями, у кого-то с мышцами и цветом кожи. Наша новая реальность.

Остальные ребята, суется, принимаются за работу, но периодически все же бросают на меня взгляды.

— Ядерная физика изучает строение и свойства атомных ядер, а также их столкновения, мисс Льюис. И тут как раз химия довольно тесно связана с ней, поэтому... В ваших же интересах быстро освоить основополагающие законы и термины, чтобы мы могли перейти к теме радиохимических реакций внутри бомб.

Аргумент бьет прямо в цель, и класс, обрадовавшись, с большим рвением принимается за конспект. Прячу чуть горькую улыбку, наблюдая за каждым учеником, и вновь думаю о том, насколько по-другому все выглядело раньше, если опираться на сохранившиеся хроники.

Населения осталось мало, но и рождаемость не повышается по множеству причин: такие маленькие классы стали нормой. Дети и взрослые теперь носят измеряющие радиацию счетчики на руках. На уроках больше интересуются не тем, почему галлий тает в ладони или почему ртуть может вытолкнуть предмет, а радиацией и бомбами. Электронные ар-

хивы и отсутствие книг: последний раз я чувствовала тот самый древесно-чернильный запах страниц в доме у дедушки, будучи таким же подростком, как эти ребята.

Иногда я ловлю себя на странной мысли: хоть и не застала время катастрофы и чудом через несколько умудрившихся сохраниться поколений моей семьи появилась на этот свет, все же часто тоскую по быту людей довоенной эпохи. По быту, которого никогда не знала.

Повезло немногим. Сохранилось немного. Появилось нечто новое, и хотя бы наука не встала на паузу. А внутри что-то так и тянет к прошлому, одновременно с этим осуждая его, как и поступки ответственных тогда за произошедшее людей.

Легким движением поправляю очки.

— Чудесно, — тихо говорю я, заметив, как постепенно мои ученики поднимают головы от блокнотов. — Дилан, расскажешь нам, как ты понял определения молекулы и атома?..

Плодотворный урок, знакомство с коллективом преподавателей и администраторами колледжа, неторопливое освоение — все это полностью вымывает из меня флер неопределенности после выходных и недомолвки с Райаном.

Поговорить с ним вчера возможности не представилось: Майкл вызвался помочь с вещами, и воскресенье пролете-

ло за уборкой после переезда и последующими посиделками втроем на крохотной террасе у дома. Под конец пришел Джефф, и Райан с сослуживцами ушел на внеплановое совещание, созванное генералом Фергюсоном в выходной.

Не чувствую, чтобы мой мужчина был действительно сильно задет теми словами, да и он, будем честны, поверхностно отнесся к моим новостям, но обговорить все начистоту стоит. Поэтому решаю сегодня после составления плана следующих уроков прогуляться до казармы и перехватить там Райана.

На небе припиленными кусками медицинской ваты висят редкие облака. И на том спасибо — создается хоть какое-то подобие тени. Казарма, военные ангары и другие причастные здания находятся у южной границы — той самой, у которой наш дом и тот КПП с башнями.

Мазнув мимолетным взглядом по снующим солдатам на стене, словно картинку и не меняли за прошедшее время, поворачиваю в проулок, у которого высится первый гараж-ангар. Поудобнее устроив на плечах потяжелевший благодаря материалам из колледжа и планшету рюкзак, направляюсь вдоль здания и вдруг замечаю Дакоту.

Темные, как у меня, волосы собраны в высокий хвост. Низко сидящие штаны со множеством карманов, короткий топ, обнажающий идеальный пресс. Рельефные красивые руки, высокий рост — с такой внешностью надо было идти не в механики. Она, склонившись, что-то перебирает под капо-

том Хаммера. Рядом у колес инструменты и разномастные канистры.

— Привет, Карла, — окликаю я, подходя ближе.

— Просила же так не называть. — Она не оборачивается, ловким движением вытаскивая из заднего кармана довольно грязную тряпку.

Я невольно хмурюсь на реакцию, пытаюсь припомнить, какая кошка могла пробежать между нами. Назвала по имени по привычке: сама я человек не военный, обращаюсь ко всем, как нарекли с рождения...

Она наконец удосуживается повернуться и вальяжно упирается локтями в машину, уставившись на меня. Натягиваю на лицо максимально безразличное выражение и ровным тоном спрашиваю:

— Видела Райана?

— Видела.

Ответ следует незамедлительно. Замечаю тень странной улыбки, коснувшейся пухлых, не в пример моим, губ Дакоты, но через миг она смотрит все так же без эмоций, даже почти что с ленцой.

— Он в казарме, — тряпкой указывает Дакота и вновь возвращается к внутренностям внедорожника.

Не считаю нужным благодарить и ухожу, в задумчивости перебирая варианты такого отношения. Не замечала раньше подобного в свой адрес от Карлы при редких встречах.

Взявшись за металлическую ручку тяжелой двери, распа-

хиваю ее и с наслаждением юркаю в прохладу. Несколько военных проходят мимо, окинув меня быстрым взглядом, поодаль еще несколько разговаривают в углу, я же останавливаюсь, озираясь по сторонам. На одной из стен карта: изда- лека могу разглядеть название «Тусон», очерченную старую границу и почему-то закрашенную черными штрихами тер- риторию пустыни.

Решаю для начала достать тот самый пропуск, с фамили- ей и фото Райана, врученный мне для склада: вдруг приго- дится? И пока копошусь в рюкзаке, не замечаю, как передо мной вырастает высокая крупная фигура.

— Мэм, вам запрещено здесь находиться.

— О, — аж подсказываю, чуть не роняя карточку пропус- ка, но вовремя успеваю схватить.

Поднимаю взгляд и за секунду понимаю, кто передо мной: Райан рассказывал об этом взрослом мужчине с проседью в висках слишком много.

— ...Прошу прощения, — искренне говорю я, не решаясь обратиться по званию и фамилии сразу, пока он сам не пред- ставится. — Я подумала, что благодаря пропуску могу сюда заходить.

Военный внимательно смотрит на карточку, замечая имя и краешек фото.

— Это мой жених, Райан Колт, — на всякий случай уточ- няю, невольно вытянувшись по струнке. — Я предполагала его здесь найти.

Суровое выражение лица мужчины смягчается.

— О, так вы его невеста? Та самая? Фелиция Фоксхайд, кажется?

— Да, это я. А вы, верно, генерал Фергюсон?

Напряжение немного подоотпускает, когда мы обмениваемся короткими улыбками. Только вот следующая фраза генерала ввергает меня в легкое смятение.

— Ну наконец-то правильный выбор. Офицер Колт упоминал, что вы химик. Устроились в центр Линкольна?

Непроизвольно часто моргаю, наверняка всем своим видом выказывая недопонимание первой фразе, но все же не заостряю на ней внимания. Собравшись, твердо отвечаю:

— Эм, нет, сэр. — Вижу, как генерал хмурится, и спешу добавить: — Удалось устроиться в колледж.

— Разве письменные рекомендации не подошли?

— В центре сейчас нет открытых вакансий, — уклончиво-мягко произношу я, смущенно улыбнувшись. — Думаю, дело в этом.

Военные, что в Финиксе, что здесь, обладают своим, каким-то уникальным высокомерием, порой полагая, что весь оставшийся мир крутится вокруг них и прогибается под их решения. Объяснять Фергюсону весомость рекомендаций бывшего начальника Лэнгли, которых нет, по сравнению с поданными его, будет трудоемко и долго. Поэтому надеюсь, что он не углубится в эту тему дальше, и когда генерал хмурится сильнее, со всей теплотой добавляю:

— В любом случае спасибо вам за участие и помощь. И за выделенный дом. Работа в колледже мне уже нравится.

Фергюсон, пожевав губу, вдруг указывает ладонью на коридор, кивая. Мы прогулочным шагом следуем по нему, и пока я убираю пропуск, он с отеческой заботой в тоне спрашивает, не затрагивая более Линкольн:

— Обустроились?

— Да, сэр. Благодарю еще раз. — Отступаю, чтобы дать военным пройти мимо, и вновь возвращаюсь на расстояние локтя от фигуры шагающего генерала. — Так... Могу ли я ненадолго увидеть жениха?

— Я отпустил его сегодня пораньше, — Фергюсон кивает на поворот, и мы подходим к боковому выходу из казарм.

Что ж, значит, Райан уже дома. Хорошо, что отсюда идти совсем недалеко: солнце вновь никого не щадит. Украдкой смотрю на свой счетчик, сверяясь с показателем радиации, и уже собираюсь поблагодарить генерала и уйти, поняв намек с сопровождением, как вдруг он озабоченно говорит:

— В последнее время много работы... Кланы Ногалеса задерживают поставки, ведут себя странно. Придется искать другие населенные пункты с рудниками. Финикс артачится с этой гребаной рекой...

Внимательно смотрю в немолодое лицо, пытаюсь вникнуть в смысл слов.

— Уж не обижайтесь, мэм, если ваш благоверный будет часто пропадать на службе в ближайшие месяцы.

Какая река? При чем здесь Финикс? Какие другие населенные пункты?

— Есть о чем беспокоиться, сэр? — Слишком много вопросов могут показаться наглостью, и я ограничиваюсь нейтральным, обеспокоенно заглядывая в голубые глаза Фергюсона.

— Кто знает, — кричит он, расправив плечи, — но будьте начеку. Даже в давно затихшем после ядерной бомбежки мире все возможно.

Он открывает дверь и касается пальцами лба на прощанье.

— Хорошего дня, мэм.

— Хорошего дня, сэр, — мямлю я и выхожу на залитую жаром улицу, понимая, что разговор окончен.

— Ты уже дома? — громко спрашиваю с порога и, повесив рюкзак на крючок, прохожу внутрь. — Надеюсь перехватить тебя в казарме...

Нахожу Райана в гостиной с бутылкой воды в руке.

— Да, получилось прийти пораньше, — коротко улыбается он, оставив ее на столике, и тянет подошедшую меня за руку. — Как ты?

С одной стороны, хочется попробовать разузнать у него, почему Фергюсон говорил такими намеками: Райан все равно делился со мной многим, чем запрещалось, но с другой...

У меня свои приоритеты.

— Буду еще лучше, если мы поговорим, — лукаво улыбаюсь, не спеша устраиваться на его коленях.

— Если ты о том ужине, не бери в голову, — отмахивается Райан и обхватывает меня за бедра. — Иди сюда, ко мне...

Перекинув ногу, сажусь на него и откладываю очки на столик рядом с бутылкой. Мы сталкиваемся дыханиями, и я тут же запускаю пальцы в темно-русые волосы.

— Уверен? — напоследок уточняю я, ощущая его руки на спине под футболкой. — Я не хотела тебя как-то задеть, милый...

Райан затыкает меня поцелуем: сухие шершавые губы скользят по моим, раздвигая их. Наши языки сплетаются, и из меня вырывается короткий вздох.

— Забудь. — Он начинает раздевать меня, я же помогаю, подняв руки: футболка улетает к краю дивана. — Пойдем в спальню или здесь?

— В спальню, — усмехаюсь я, проведя кончиком носа по его.

Чем не способ решения недомолвки?

В объятиях неуклюже доходим до нашей комнаты. Вентилятор разгоняет разгоряченный воздух, но легче не становится, когда ладони Райана обжигающе касаются меня. Он целует меня стремительно, с неистовством, и я ловлю себя на странной мысли, что словно не поспеваю за ним. И мне не дают поспеть.

Оставшаяся одежда летит на пол. Провожу пальцами по натренированному животу, но Райан почти сразу перехватывает мои руки, заводя их за спину. Тихо стону в наш поцелуй и в следующий миг оказываюсь опрокинутой на постель.

Рука моего мужчины накрывает одно из полушарий груди, другой он держит запястья: я выдыхаю его имя, чуть ерзя под весом.

Соскучилась по нашим ласкам...

Еще один точечный поцелуй, еще одно быстрое касание по уже твердому соску. Чувствую, как мне мало этого, но не успеваю ничего предпринять. Райан приподнимается надо мной и, тяжело дыша, как и я, тянется к оказавшимся на полу форменным брюкам.

— Как предусмотрительно, — тихо хмыкаю, вытаскивая волосы из-под плеч, чтобы не мешали, и наблюдаю, как Райан вскрывает упаковку презерватива.

Устраиваюсь поудобнее, не в силах привести дыхание в норму. Горло пересушено, тело покалывает, разум на взводе. Не до конца осознаю, почему что-то на его краю зудит от такого привычного для нашего секса жеста... С защитой все как всегда. Все ведь как обычно.

— Не застать врасплох, детка, — с ребяческой гордостью шепчет жених, вновь наклоняясь ко мне.

Ладно, плевать... Не стану на этом сейчас концентрироваться.

Тянусь к его губам, обхватываю ладонями шею, но ритм

поцелуя вновь меняется. Райан часто и быстро касается моего тела, словно не знает, где подольше задержаться, затем я позволяю развести свои бедра и...

— Черт... — ругаюсь, чувствуя его в себе до упора.

Из глотки вырывается стон, я вновь ерзаю, пытаюсь понять ощущения: вроде и приятно, вроде и готова, но...

Райан, что-то бормоча, вновь накрывает мои губы своими. Его движения сразу переходят в быстрый темп, а я стараюсь сосредоточиться на нарастающих и меняющихся эмоциях.

Становится приятнее и острее. Ярче и желаннее.

Плавно приподнимаю бедра, подстраиваясь под ритм проникновения. Райан вновь перехватывает мои руки, прижав их к простыням над головой, и прикусывает мою шею. Шиплю вперемешку со стоном, пытаюсь гибко извиваться и чуть поменять угол, но мой мужчина, словно одурманенный, уводит нас в стремительные толчки.

Не хватает давления, не хватает еще немного трения...

— Малыш, пожалуйста, помедленнее... — шепчу я, когда Райан наклоняется к моему соску, чуть прикусывая его.

Вот знает же, что не очень люблю. Освобождаю руки. С легким рыком давя на его плечи, намекая на то, что не против сменить позу на одну из излюбленных. Хочу побыть сверху. Но Райан игнорирует посыл, впившись пальцами в мою талию. Вдруг убыстряется, несмотря на просьбу, и раздается утробное мычание.

Его лоб прижимается к моему плечу, а меня самую вдавли-

вают в простынь с содроганием. Прикрываю веки, под которыми печет. Вот же...

Первые секунды не осознаю случившееся, затем затуманенный процессом и духотой разум проясняется. Вновь распахиваю глаза. Райан перекатывается с меня, ложится рядом, прерывисто дыша, и только тогда я понимаю, что... *все*.

Чувствую не только физическую пустоту и легкий дискомфорт, как если бы меня поднимали на долгожданную гору и резко опрокинули, не дав достигнуть вершины, но и слом нечто весомого внутри.

Такое у нас впервые. Как на это реагировать?

— Извини, милая... — Губы Райана касаются моего покрывшегося испариной лба, и резко ощущаю, как хочу отодвинуться. Но лежу, бесцельно пялясь в потолок, и тщетно стараюсь утихомирить вздымающуюся грудную клетку. — Я в душ...

Продолжаю смотреть наверх, прибитая к кровати гравитацией и сковывающим горло разочарованием. Не знаю, почему молчу в ответ, почему не намекну на продолжение языком или пальцами, почему не выдаю хоть какую-то реакцию... Но когда слышу возню Райана, когда кровать под его весом двигается и замирает, едва он встает, когда раздается звук латекса, снимаемого с члена, а его обладатель скрывается в ванной, из уголка глаза скатывается единственная слеза.

Я позволяю этому случиться, как и остывающему без объятий телу — ощутить отторжение. И что-то подсказывает,

что эта эмоция станет началом. Непоправимого.

Глава 4

— ...таким образом, зная точный «адрес» химического элемента, то есть его группу, подгруппу и номер периода, можно однозначно определить строение его атома. — Стараюсь, чтобы вырвавшийся вздох в конце не казался слишком тяжелым или обреченным.

Дети ни при чем, и я не хочу, чтобы они приняли на свой счет. Раздраенное с утра состояние не планирует исчезать: из всех сил стараюсь вести урок в ровном, спокойном настроении, не отвлекаясь на мысли, разъедающие подобно концентрированной серной кислоте. Но то, что я уже четвертый раз за десять минут снимаю, кручу в пальцах и возвращаю обратно на переносицу очки, говорит об обратном: в воспоминания лезут кадры вчерашней ночи. А на корень языка — привкус горечи от разочарования Райаном.

Не поторопились ли мы с моим переездом? Не поторопилась ли я, сказав «да» после восьми месяцев отношений? Может, я просто упала в омут с головой, обманув себя, что приняла взвешенное решение, а на самом деле игнорировала какие-то сигналы?

Все должно было стать еще лучше к грядущей свадьбе, так почему у меня стойкое ощущение, будто все рушится?

— Мисс Фоксхайд, ядро состоит из электронов? Я не совсем понял, — почесывая нос, задает вопрос Дилан.

Возникшее перед глазами воспоминание о знакомстве с Райаном, когда его группа сопровождала команду ученых, в чей состав входила и я, на задание по забору потенциально радиоактивной воды, резко осыпается. Встаю из-за стола к доске, радуясь возможности скрыть наверняка растерянное выражение лица, и дело не в вопросе любопытствующего ученика.

— Давайте разберем еще раз на схеме: атом состоит из ядра, которое имеет положительный заряд, и электронов, которые имеют отрицательный заряд. В целом атом электро-нейтрален. — Дорисовав круги, перевожу дух, чувствуя, как мысли опять уплывают в личные проблемы. На автопилоте рассказываю дальше: — Ядро же, мистер Найт, состоит из протонов и нейтронов.

Меня спасает короткий сигнал, оповещающий об окончании занятия. Дети вскакивают с мест и наперебой благодарят меня, попутно собирая вещи. Отряхнув пальцы от мела, со сдержанной улыбкой прощаюсь с каждым, озвучив вдогонку, к какой следующей теме им подготовиться дома.

Класс пустеет, и я изнуренно сажусь обратно на стул. От тотального самокопания спасает то, что вечером Райан задержится, — предупредил сегодня утром, поспешно уйдя на службу. У меня будет время собраться с мыслями и все-таки вызвать его на разговор, без отнекиваний. Мне не нравится этот медленно нарастающий снежный ком, и хоть я не самый прямолинейный или какой-то капризный, требователь-

ный человек, отмалчиваться тоже не в моих правилах.

В наших отношениях что-то не так. Что — предстоит разобраться. Я не должна игнорировать ни едва заметные изменения, ни конкретные *нюансы* в нашем сексе, и если причины лишь в усталости Райана из-за службы или притирок в быте после переезда, так пусть скажет об этом.

А пока... Нужно перебрать видеоархивы для следующего урока. Это поможет отвлечься. Устало потерев лоб, беру планшет. Запираю кабинет и иду по полупустому широкому коридору: впереди лишь двое мальчишек. Судя по росту, младшешколяки.

— Говорю тебе, они носят черепа!

Услышанная фраза привлекает мое внимание: поднимаю взгляд от наручного счетчика, вспомнив, что не приняла утром йодид калия. Шагаю следом за детьми, увлеченно болтающими друг с другом.

— Да врешь ты, Джейсон...

— Они живут в своем Ногалесе под землей и носят настоящие человеческие черепа!

Одна моя бровь удивленно взлетает, когда слух улавливает и это. Держась на расстоянии, все еще следуя за мальчишками, которые спускаются по лестнице: мне тоже на этаж ниже. Хм...

Беседа звучит странно и интригующе.

— Чушь...

— Мой папа их видел, — с горячей гордостью продолжает

настаивать Джейсон, прыгая по ступеням.

— С ними видятся только военные, когда едут в пустыню...

— А ты знал, что они поклоняются смерти? Может, они носят черепа не вернувшихся военных?

Второй мальчик фыркает, и я внутренне с ним соглашаюсь.

Ну какие черепа?... Какое поклонение? Да и военные возвращаются с различных заданий: обмен — не исключение.

— Ты ошибаешься, Джейсон... Военные всегда возвращаются из Соноры, а твой папа все выдумал.

В этот момент я даже киваю, хотя это бессмысленно.

— Вот и нет! Он говорил, что они жестокие и беспощадные, и зря мы вообще имеем с ними дело.

Остаток необычного диалога уже не слышу: мальчики спускаются дальше, а я захожу в коридор второго этажа, чтобы найти конференц-зал с проектором. Вспоминаю, как Фергюсон говорил про задержку поставок, его непонятную реплику о реке и Финиксе, и понимаю, что Ногалес в последнее время упоминается в моей жизни слишком часто.

Захожу в пустой конференц-зал, где можно проводить интерактивные уроки, и направляюсь к шкафчику с библиотекой материалов. Заместитель директора и по совместительству учитель истории Мелани Джонсон, та самая, кто встретила меня на пороге колледжа в день вынужденного собеседования, упоминала, что здесь можно найти интересные ви-

део-слайды по разным дисциплинам.

Пока вожусь с папками и дисками, чтобы выудить что-то по химии, вновь невольно возвращаюсь мыслями к детской болтовне и тем фактам, что сама знаю о Ногалесе. Жители, поклоняющиеся смерти и носящие маски-черепа? М-да.

Впечатлительные школьники и слухи, что с них взять.

— Так, как мне тебя включить... — Хмуρο осматриваю проектор и в конце концов путаюсь между двумя кнопками: вместо замены диска случайно нажимаю «плей».

Запускаются кадры, оставленные после урока другого учителя.

Застыв и уставившись в полотно экрана, почти сразу понимаю какого. История.

На хрониках демонстрируются падения бомб. Нейтронных и ядерных. Взрывы, хаос, уничтожения.

Всемирная война...

Яркие цифровые слайды неспешно сменяют друг друга, и я невольно погружаюсь во времена собственного обучения и рассказов родителей о том, что произошло когда-то. Медленно опускаюсь в одно из кресел, все так же держа в руке найденный материал по химическим связям и реакциям.

Немигающим взглядом смотрю на экран: кадр сменяется на карту мира с обозначенными местами падения ядер-

ных боеголовок. Восемьдесят процентов областей планеты — алые расплзающиеся круги...

Черт, а ведь все началось с такой мелочи! Более трехсот лет назад геополитическая напряженность между Соединенными Штатами и Мексикой дошла до апогея. Новые договоренности о строительстве разделяющей пограничной стены после очередных выборов президента Штатов не были достигнуты. Наблюдаю, как на слайде показывают военных, бегущих людей и бункеры... Рушатся мегаполисы, мосты, дороги; уничтожаются экосистемы и природа. Умирают дети.

Уроки истории вдолблены в мою подкорку не хуже науки о радиоактивных элементах. Не выдерживаю и отворачиваюсь: смотреть на пытки с брызгами крови по экрану и то было бы проще.

Тогдашние мексиканские наркокартели за несколько месяцев до выборов под видом поставок минерального топлива, что составляло львиную долю экспорта, перевезли на территорию Северной Америки через подземные тоннели приграничных городов сотни нейтронных бомб. Для запрещенной радикальной организации недовольных американских либералов, решивших свергнуть новоиспеченного президента... Картели же в ответ обещали решить проблему с пограничной стеной. Но все пошло наперекосяк.

В Соединенных Штатах началась гражданская война. Затем... Границы военных действий стали расширяться. Случайно упавшие по иронии судьбы нейтронные бомбы на

территорию Мексики стали началом полномасштабных конфликтов сначала в этом полушарии, затем в Евразии, втянув в войну всех без исключения. Принцип «против меня моим же оружием»: Мексика была разбомблена одной из первых.

К разлитому бензину общемирового негодования, национализма, социальных и экологических проблем, взаимных территориальных притязаний поднесли спичку...

Худшее началось тогда, когда вместе с нейтронными бомбами стали чередовать ядерные. Вспоминая рассказы дедушки, который провел колоссальное исследование по торию, элементу, содержащемуся в тех злосчастных нейтронных бомбах, до сих пор задаюсь вопросом: *как?* Как люди додумались применить ядерное оружие, когда уже видели происходящую катастрофу после нейтронных снарядов? Уран ведь опаснее, распадается намного тяжелее и дольше тория, но, похоже, всем тогда было плевать.

Вновь поражаюсь тому, что хоть кто-то и что-то в мире уцелело, за эти триста восемьдесят лет медленно, но верно возвращая чашу весов на сторону процветания. Нас — *к исцелению*. Хоть и непомерную цену мы платим до сих пор: лишь десятки городов по миру, материальные и нематериальные разрушения, не подлежащие восстановлению, во многом тотальные изменения образа жизни... Пребывание в условиях иного радиационного фона. Глядя на учеников, каждый раз задумываюсь о том, как им повезло родиться и как сильно рисковали их родители, зная, какова ситуация с

постоянным влиянием радиации на геном оставшегося населения...

Поджав губы, понимаю, что нужно вновь повернуться к экрану и, наконец, выключить зловеющий фильм о тех страшных событиях. Но в этот момент за спиной раздается звонкий голос.

— О, Фелиция, вы здесь! Прошу прощения, я забыла убрать за собой после урока!

Оборачиваюсь и вижу Мелани. Она с извиняющейся улыбкой торопливо, насколько позволяет пышная комплекция, подходит ко мне.

— Да, да, эм, здравствуйте, — смутившись, говорю охрипшим голосом, напоследок бросив взгляд на экран, на котором транслируется, как бомба падает в пустыню, вызвав всплеск песка.

В груди становится тесно. Ощущение, будто на собственной коже испытываю события того времени. Я выбрала радиохимию не просто так: как и дедушка, своими разработками хочу сделать то, что осталось от мира, немного лучше. Пусть порой трусливо боюсь того, что изучаю. Перед чьей неоспоримой и уничтожающей силой преклоняюсь. Радиация не щадит никого. Загадочно невидима, неизбирательна, навечно смертоносна.

— Рассказываю ребятам о прошлом, чтобы не допустить повторения в будущем, — суетливо говорит Мелани, вынудив меня выплыть из отягчающих мыслей. — Некоторые хо-

тят уйти в науку, хочу дать понять, что она должна быть лишь во благо.

Задумчиво кивнув ее фразе, чуть передвигаюсь, чтобы Мелани смогла разобраться с проектором. Чувствую разливающееся внутри одобрение ее посылу, оно идеально сопоставляется с мыслями ранее, и вдруг ляпаю, не особо успев обдумать:

— Мой дедушка, хоть и был физиком, всегда оставался сторонником мирного использования ядерных исследований. Он был против новых войн, как и я...

Мелани оживляется, услышав это, и, вытащив диск, вскидывает на меня любопытствующий взгляд.

— Физиком? — она хмурится и всплескивает руками. — Пойдите-ка, вы, случаем, не внука Алонсо Фоксхайда?

Мои брови удивленно поднимаются. Не то чтобы он малоизвестный ученый, однако я явно не ожидала узнавания и увидеть вспыхнувшую искорку интереса в голубых глазах Мелани.

— Да, верно...

— Ну надо же! — Мелкие рыжие кудри забавно подпрыгивают в такт эмоциональному восклицанию. — Что забыла внука великого физика-ядерщика в обычном колледже? Да вам сама судьба велит работать в центре Линкольна! Или вообще где-нибудь в Вашингтоне... Или что там от него осталось...

Мелани забавно округляет глаза под затухание экспрес-

сивности собственного голоса, затем, заметив мою легкую нервность и осторожную улыбку, тут же спешит исправиться:

— Ох, простите, простите... Представляю, как это выглядит со стороны, когда мы обе работаем здесь... Словно я вас отговариваю!

— Все в порядке. Сочту за комплимент... — Уже увереннее улыбаясь ее непосредственности, искренне отвечаю: — Я работала радиохимиком в Финиксе, но здесь не оказалось свободных вакансий...

В этот раз Мелани хмурится основательнее: уперев руки в бока, она с недоумением уставляется на меня.

— Погодите, как не оказалось? Вы разговаривали с Мэйвис?

— С Мэйвис? — Теперь моя очередь демонстрировать замешательство.

Впервые слышу это имя.

— Да, она начальник лаборатории, — торопливо объясняет Мелани, складывая диски в мягкие обложки, и тут же кисло добавляет: — По совместительству — моя невыносимая сестра.

По закатыванию глаз понимаю, что отношения у них либо испорчены, либо наоборот — чрезмерная братско-сестринская любовь иногда сопряжена с раздражением. Интересно, Мэйвис похожа на Мелани? Такая же шепутная?

— Нет, мы не общались...

— Что за досадное упущение! Так я устрою вам встречу!

— Приоткрываю рот, услышав очередной бурный всплеск, и понимаю, что в отношениях у сестер, кажется, второй вариант взаимодействия. — Не может быть, чтобы им не понадобилась лишняя пара рук и тем более такие мозги...

— Но...

Уже собираюсь возразить, как минимум потому, что Мелани не может объективно оценить «мои мозги» по ряду причин, но она опережает меня.

— Знаю, знаю, выглядит как заговор за спиной мистера Фореста, ведь мы и так еле-еле нашли учителя по химии, но зачем растрачивать талант попусту? Фелиция, вы из семьи ученых, вы — радиофизик! Не тратьте свое время на что-то иное!

— Радиохимик, — мягко поправляю я, спрятав улыбку.

— Ах да, оговорились, — отмахнулась Мелани, окончательно расставив материалы по шкафчикам. — Так вот, дайте мне день-два, и я устрою собеседование. Да значит да; нет — вы хотя бы попробовали. Без одобрения Мэйвис сама вселенная не даст вам места в Линкольне, даже если вы будете метить в другой отдел.

Заметив, как она резво собирается уходить, продолжая болтать на ходу, предпринимаю еще одну попытку, хотя ощущаю нарастающую эйфорию: и это лишь из-за обещаний. Что же со мной будет, если реально получится?

— Мне как-то неловко, Мелани, правда...

— Ничего неловкого, — отсекает она, смешно сдув прядку со лба. — Я тороплюсь сейчас на урок, ждите весточку, дорогуша.

Смотрю вслед упорхнувшей коллеге, которая подмигнула напоследок, и не верю в то, что только произошло. Глобальное порой действительно начинается с мелочей. Но, может, в них и кроется тот самый нужный фатализм?..

Глава 5

— Милый, давай поговорим.

Прислоняюсь плечом к дверному косяку и обхватываю себя руками. Райан в полумраке спальни собирает вещи в военный рюкзак, до этого отказавшись от позднего ужина. Весь вечер я прокручивала в голове варианты того, как начну разговор, и решила остановиться на самом верном: выскажусь напрямую, но без излишних претензий. Я не из тех, кто любит ходить вокруг да около. И хоть в этот раз инициатором вновь являюсь я, гордость не задета: мне правда важно разобраться. Надеюсь, и ему тоже...

— О чем, детка?

Он говорит устало, но с нежностью: чувствую ее в каждом слове. Да, возможно, я выбрала не самый удачный момент — когда Райан вернулся со службы, тут же с порога сообщил о незапланированном отъезде в командировку. Приказ свыше.

Но поговорить стоит именно сейчас: хоть и поездка, по словам Райана, предстоит не самая опасная, я знаю, что точно буду переживать о повисшем между нами напряжении все дни его отсутствия.

В небольшом поселении недалеко на востоке находится электростанция, и жители запросили помощь: нужно сопроводить местных инженеров для ремонта. На вопрос *«Зачем инженерам в тех краях военное сопровождение?»*, заданный

вслед прошедшему полчаса назад в дом Райану, я получила уклончивый ответ. И не будь у нас личных проблем, погрузилась бы, попробовав узнать больше, — как всегда, настолько, насколько мой мужчина впустил бы в свой мир. Но в этот раз предпочла лишь кивнуть: раз поставили такую задачу на службе, ее необходимо выполнить.

— О нас, — хмурюсь я, зябко передернув плечами.

Вечерами в Тусоне прохладно: сказывается специфика климата местности рядом с пустыней. Перевожу взгляд на приоткрытое окно и решаю подойти закрыть створку, пока Райан складывает какой-то брезент в свои вещи.

— Ох, Фици, не сейчас. Ты же видишь, я собираюсь...

Он на мгновение переводит на меня взгляд, морщась, и вяло откидывает серую футболку в сторону.

— Но это важно, малыш... — терпеливо говорю я, хотя чувствую, как завожусь, словно внутри просыпается нечто давно дремлющее: — Меня беспокоит то, что между нами происходит. И секс в последний раз... Я тебя не узнаю.

Ну вот. Вывалила. Прямо в лоб. Смотрю в упор на остановившегося Райана и отхожу от окна обратно к дверному проему. Раздражение маленькими пузырьками начинает бурлить в крови. Мне что, одной это все нужно?

Жених вскидывает ладони, отвечая с такой интонацией, будто ему наплевать. Словно и не было скрытой ласки в словах ранее:

— Да-да, я знаю, я повел себя как козел. Но, детка, прошу,

отложим разговор до моего возвращения. Некогда...

Тишину разрезает резкий звук молнии рюкзака и мой тяжелый вздох.

— Райан... — начинаю я, но тут...

Он порывисто сокращает расстояние до меня. Не успеваю среагировать и договорить, как меня прижимают к стене. Райан наклоняется, касается губами моих: нижняя захвачена в плен, и я не могу сопротивляться. Устремляюсь навстречу, углубляя поцелуй, и обеспокоенные мысли моментально сдаются под натиском пылающих чувств.

С одной стороны, понимаю, что мы толком ничего не решили, даже не договорили, но с другой — разве язык, горячо давящий на мой, и теплые ладони, стискивающие талию, не лучшие ответы на вопросы? Райан крепко обнимает меня, с упоением целуя. Мой короткий стон смешивается с его тихим «mmm», и на мгновение даже кажется, что мы пойдем дальше. Быстрый и страстный секс — что может быть лучше? Аванс перед долгой командировкой, легкое лекарство для исцеления ранки в отношениях, сброс накопившегося напряжения. Одни лишь плюсы. Тянусь к краю собственной майки на бретелях, чтобы снять ее, проявив инициативу, но Райан, напоследок проведя языком по моей губе, отстраняется.

И пылко шепчет — а я верю ему. Как последняя дурочка опрометчиво верю ему.

— Мы поговорим, когда вернусь, ладно? Не скучай, Фици.

Я всего на неделю.

Два дня спустя

— А почему соль исчезает, когда мы размешиваем ее в воде? — спрашивает меня любознательная Кейт Льюис, задержавшись после сигнала об окончании урока.

Я поднимаю на девочку взгляд и открываю рот, собираясь ответить, как в этот момент в кабинет заходит Мелани. Точнее, не заходит, а буквально врывается небольшим рыжим ураганом.

— Фелиция! — восклицает она с порога, но осекается, заметив рядом со мной Кейт.

Мелани быстро берет себя в руки, важно надув губы и понимающе кивнув. Я прячу улыбку и отпускаю девочку, сказав, что обязательно объясню ей и остальным ученикам взаимодействие соли с водой на следующем занятии. Кейт легкой походкой покидает нас, вежливо попрощавшись, и я уже открыто и тепло улыбаюсь двинувшейся ко мне Мелани.

— Здравствуйте, миссис Джонсон!

— Давай уже поменьше официоза. Просто Мелани. — Она хитро подмигивает, и я киваю в ответ. пышная грудь под строгим костюмом колыхнется от эмоциональности следующей фразы: — Я все устроила! Мэйвис ждет тебя сегодня к четырем часам дня!

Бросив быстрый взгляд на наручные часы, понимаю, что у меня в запасе всего полтора часа.

— Но я...

— Ох, только не говори, что не готова, — отмахивается Мелани, прислонившись бедром к краю стола. — Ты готова! Просто соберись и сходи к ней в Линкольн. Моя сестра тебя примет.

Пока она тараторит, чувствую, как меня плотным коконом окутывает волнение. В последние дни оно стало моим постоянным спутником, в том числе из-за отсутствия Райана; теперь же добавился новый оттенок — я начинаю нервничать из-за предстоящей встречи так, словно никогда не работала радиохимиком. Словно иду в исследовательский центр, будучи самозванкой.

— Так и сказать на ресепшене? — сглотнув, спрашиваю я, вспоминая ту первую неудавшуюся попытку устроиться.

— Да, скажи, что у тебя назначена встреча с Мэйвис Джонсон в четыре часа. — Мелани забавно сдувает кудряшку со лба, после активно жестикулируя. — И тебя проводят.

— Мелани, я так тебе признательна... Правда... Как мне тебя от...

Заламывая запястья, взволнованно смотрю на нее, ощущая, как к тревоге примешивается необъятная благодарность, и моя коллега тут же деловито перебивает:

— Пока еще не за что. Если это действительно то, что ты хочешь, если это действительно то, в чем ты будешь разви-

ваться, буду только рада, что помогла это заполучить. Я считаю, что люди должны работать на *своих местах*, заниматься тем, что им подходит. — Она поучительно поднимает палец и улыбается: — Все, побежала на урок, пока мои дуралеи что-то там в классе не переломали...

Провожая ее взглядом, задумчиво прикусываю губу и снимаю очки. Медленно протерев увлажнившиеся глаза, возвращаю очки обратно на переносицу. Глубоко и ровно несколько раз вдыхаю и выдыхаю: хоть и за такое короткое время я привыкла к колледжу, Мелани права. Все же я — ученый, пора перестать успокаивающе лгать себе. Если в лаборатории Мэйвис я смогу вновь обрести весомую миссию и цель, смогу проводить исследования и вернуться к практическим опытам, — это осчастливит меня по-настоящему.

За десять минут до назначенного времени я оказываюсь в уже знакомом холле исследовательского центра: поддавшись порыву, даже успеваю до этого забежать домой и взять папку с трудами дедушки. Не знаю, зачем она мне, но тешусь мыслью, что так чувствую себя умиротвореннее — нечто вроде согревающего душу талисмана, который принесет удачу.

Называю свое имя и цель визита той же Джессике на ресепшене, и в этот раз она без лишних вопросов встает из-за стойки и вызывается проводить.

Свет в коридоре первого этажа, по которому мы молча идем, мягко переливается, отбрасывая желтоватый блеск на темно-серые стены. Высокие потолки будто заставляют пространство расправиться и дышать. Часть стен сменяется стеклянными панелями, за которыми можно наблюдать за учеными, погруженными в работу. Невольно задерживаю дыхание: *вот он, мой мир...* Привычный, любимый, сложный, порой такой удивительный. Здание лаборатории в Финиксе, в котором я трудилась, выглядело изнутри и снаружи намного скромнее.

Эхо наших с Джессикой шагов отдается в тишине; изредка навстречу из помещений суетливо выходит кто-то из персонала. На людях симпатичная синяя форма — необычно. Я вот носила простой белый халат. Интересно, мне выдадут такую же, если все сложится?..

Наконец мы поворачиваем в еще один коридор, чуть уже основного, и Джессика толкает массивную дверь. Оказываемся в небольшом помещении, заставленном высокими белыми шкафами с темными папками, стульями, креслом и столом. В одной из стен — дверь со стеклянным широким окошком, за которой работают несколько сотрудников. Тут же узнаю в соседней комнате лабораторию: пока Джессика возится со стулом, чтобы предложить мне сесть, успеваю разглядеть в широком пространстве длинные столы, высокие стеллажи с разноцветными реактивами, колбы разного размера и назначения, несколько крупных микроскопов и ана-

лизаторов.

Несмотря на закрытую дверь, даже здесь воздух слегка окрашен характерным кисловатым запахом реагентов. Незаметно для Джессики вдыхаю его полной грудью: я будто вернулась домой из долгого путешествия.

— Мисс Джонсон сейчас подойдет, — любезно сообщает девушка.

Ага. Мэйвис, похоже, в отличие от сестры, не замужем. Интересно, это ее кабинет?

Поблагодарив Джессику, сажусь на предложенный жестом стул, и она уходит, прикрыв за собой основную дверь. Положив рюкзак и не уместившуюся в нем папку на колени, на всякий случай по привычке сверяюсь со счетчиком: радиация в норме.

Вслушиваюсь в мерное тиканье часов на стене, пока жду Мэйвис, и гоняю по кругу мысли, тщательно избегая поддаваться новой волне тревоги. У меня все получится. Мне есть что рассказать о своей работе, есть чем поделиться из опыта... Я смогу. Точно смогу.

Хрупкая мысль осыпается осколками, когда дверь распаивается и Мэйвис Джонсон бурей врывается в комнату. Полы темно-синего халата поверх надетой белой формы разлетаются в разные стороны. В эффектности появления они с сестрой точно схожи, только вот... На этом сходства заканчиваются. Мэйвис полная противоположность своей сестры...

На вид ей лет сорок пять, может, даже ближе к пятидеся-

ти. В отличие от Мелани, начальник лаборатории Линкольна фигуристая, высокая и крупная. Черты лица грубоваты, но по-своему обаятельны. Я почему-то привстаю с места, ощутив затапливающую пространство энергетику: Мэйвис тут же взглядом хищницы впивается в меня сквозь стекла очков-половинок, от дужек которых тянутся в распушенные светлые короткие волосы тонкие красивые цепочки держателя. У нее голубые глаза, в отличие от зеленых радужек Мелани.

Не знаю, от чего больше в смятении: от пронизательного взгляда, тут же оценивающе проходящего по каждому дюйму моего тела, или же от мелькнувшей на шее Мэйвис части татуировки, которую она одним движением прячет за воротником формы, медленно пройдя за стол. Надо же... Ей немало лет, но есть тату? Увлечение или ошибка молодости? Да еще и на таком приметном участке... И хоть сама не люблю рисунки на теле, то, что я успела разглядеть на коже Мэйвис, подходит ее образу в целом.

Изучение меня не прекращается ни на секунду, словно я — лабораторный эксперимент, который вот-вот либо выльется за пределы колбы, либо взорвется. Так же неспешно сажусь обратно на место, увидев, как Мэйвис молча располагается на своем. Беру себя в руки, стараясь не разволноваться. Но проходит минута, другая, и я начинаю теряться под слегка надменным взглядом.

— Добрый вечер, мисс Джонсон, — предпринимаю

скромную попытку начать беседу с вежливости. — Спасибо, что согласились на встречу.

Она поджигает подкрашенные губы. Интересно, откуда Мэйвис достала алую помаду? Затем медленно опускает свои очки чуть ниже на кончик носа, все еще продолжая меня разглядывать. И крайне вальяжным тоном, растягивающим слова, с легкой неохотой и подозрительностью спрашивает:

— Значит... Вы и есть Фелиция Фоксхайд, радиохимик из Финикса?

— Да, мэм, — отзываюсь я, до побелевших костяшек впиваясь в папку на коленях.

Мэйвис откидывается на спинку своего кресла, переведя взгляд на долю секунды и заметив мой жест. Между нами повисает долгая пауза, за которую я почему-то забываю, как дышать, ощущая каждой клеткой исходящую власть от этой женщины, и наконец она чуть более заинтересованно, но все еще прохладно проговаривает:

— Рассказывайте, мисс Фоксхайд.

Глава 6

Повествование о себе дается непросто в первые минуты. Волнение все-таки берет верх, и я точно раз пять дотрагиваюсь до очков и после сжимаю папку на коленях. Мэйвис молча и цепко следит за мной, но что поразительно — в ее внимании не чувствую явного негатива или желания побыстрее свернуть мой монолог. Скорее наоборот: кажется, если буду вещать так целый час, она даже перебивать не станет.

— ...где последние четыре года я занималась преимущественно радиологическим анализом, — переведа дух, завершаю рассказ об образовании и опыте в Финиксе, на что Мэйвис вдруг странно сводит брови.

— Вы жена военного?

Ее неожиданный вопрос выбивает из колеи. Откуда узнала? Поняла по кольцу? Может, Мелани сказала?

— Невеста, — почему-то тушуюсь и отвожу взгляд, до этого тщательно удерживаемый на Мэйвис.

Новая пауза заполняет наше необычное общение, и я возвращаю к ней внимание. Мэйвис вдруг хмыкает, затем задумчиво проводит пальцами по подбородку. Морщинки вокруг глаз становятся глубже: я вижу их, когда она вновь спускает очки ниже на кончик носа и демонстративно осматривает меня. Снова.

— Назовите мне пять положительных особенностей реак-

ции радиационного захвата нейтронов.

Ух ты... Встреча начинает походить на полноценное собеседование.

— Универсальность, что позволяет применять ее для получения радиоактивных изотопов разнообразных элементов... Эм... Высокие сечения активации...

Несмотря на царящее напряжение, ощущаю любопытство и отсутствие страха. Интересно, Мэйвис всегда такая непредсказуемая? Трудноугадываемая в эмоциях, пристально разглядывающая собеседника? Как она ведет себя непосредственно в работе?

— Отсутствие жестких требований к термической устойчивости мишеней... — продолжаю я, поправив очки, отчего они глубже впиваются в переносицу, но игнорирую дискомфорт.

Тут Мэйвис, пожевав алую губу, не дает завершить:

— Что выберете: метод добавок или метод изотопного разбавления?

Кажется, начинаю привыкать к образующемуся каждый раз ступору после нового вопроса, словно нарочито невпопад, и в этот раз выдаю очевидный ответ:

— Что будет доступно технически.

Но многозначительное молчание напротив дает понять, что пояснения все-таки нужны. Набрав в грудь воздуха, ровным тоном говорю далее:

— Метод изотопного разбавления хоть и самый точный,

но дорогой и не всегда доступный. И у элемента должно быть минимум два изотопа, а метод добавки...

— Вы пришли без портфолио и резюме, — снова обрывает меня Мэйвис, и я внутренне сжимаюсь, хотя стараюсь оставаться невозмутимой.

Жду, когда она упрекнет меня в этом и заранее готовлюсь отбить аргументом, хоть и маловесным. Моя проблема, что важные электронные документы так и застряли в Финиксе, но Мэйвис вновь удивляет.

Спокойным тоном, который ни разу не дрогнул по эмоциональной шкале в какую-либо из сторон, она спрашивает:

— Говнюк Лэнгли не выдал?

Мои губы поневоле трогает усмешка, но, успев ее спрятать, замечаю тень такой же у начальницы лаборатории. Надо же... Значит, она знакома с моим бывшим руководителем. И, кажется, послевкусие от знакомства аналогично моим впечатлениям от работы под началом Лэнгли.

— Да, — киваю, расслабив плечи, и стараюсь ответить дипломатично: все-таки я не просто сплетничаю с подругой, а прохожу собеседование: — Они должны были прислать, но это мое упущение. Я не проследила, не настояла. Да и могла забрать документы сама до отъезда.

В голубых льдинках радужки отражается понимание, или мне это только кажется в отсвете потолочной лампы. С минуту подумав, Мэйвис плавно поднимается с места, наконец переводя свой сканирующий взгляд с меня на дверь, веду-

щую в лабораторию.

Я на автомате следую ее примеру: поудобнее перехватив папку, встаю, ожидая дальнейших вопросов. Но Мэйвис манит меня двумя пальцами и направляется к выходу в коридор, даже не посмотрев, иду ли рядом.

Последовавшая жесткая фраза настигает меня, выскочившую за ней, как раз в прохладе коридора. Пытаюсь успеть за ее широким шагом.

— Заканчивайте свои дела в колледже. Приступаете в ближайший понедельник.

Забываю, как дышать. Мы двигаемся обратно, в сторону ресепшена. Мэйвис деловито прячет ладони в карманах халата, чьи полы эффектно развеваются в ритм поступи. Она продолжает, ни разу не взглянув на ошарашенную меня, спешащую сбоку:

— Как угодно, но добудьте досье с исследованиями у бывшего работодателя — хочу взглянуть на ваши наработки. Напрягите муженька, в конце концов, пусть припугнет Лэнгли, если тот будет артачиться.

Слышу презрительное хмыканье, но не вижу, с каким выражением лица она это говорит. Как и не могу понять, адресована эта неприязнь к Лэнгли или же к тому факту, что мой жених — военный? Мэйвис их как будто недолюбливает: за пару упомянутых раз о Райане я заметила ее реакции. Хотя... В Финиксе ученые тоже неохотно сотрудничают с военным департаментом. Опять же, из-за их высокомерия...

— Да, мэм, — глухо отзываюсь я, до конца не осознав произошедшее и полный смысл ее слов.

Почему-то даже не удивляюсь такому неприкрытому приглашению к угрозе в адрес бывших коллег: из уст Мэйвис полушутка звучит так, будто она — не ученый, а глава преступного клана. И только когда мы оказываемся в главном холле, остановившись у линии стойки ресепшена и улыбающейся за ней Джессики, меня по-настоящему настигает озарение.

— В понедельник в восемь. Вам помогут с оформлением и сопроводят в лабораторию. — Мэйвис делает шаг к моей застывшей в неверии фигуре и вкрадчиво добавляет: — У нас море работы, Фелиция. Не подведите меня.

В голове словно взрываются салюты: такие были в довоенное время на праздниках, я помню кадры хроник. Из памяти даже вылетает противоречие, озвученное когда-то Джессикой, что открытых вакансий в Линкольне нет. Получается, есть? Получается, я достойна?

Открываю рот, чтобы засыпать Мэйвис благодарностями и вопросами, даже рука тянется, чтобы сподвигнуть к рукопожатию, но она лишь коротко кивает мне, холодно оглядев напоследок, разворачивается на каблуках и уходит. Замерев, смотрю ей вслед, ощущая внутри такой спектр чувств, словно меня бомбардируют быстрыми атомами.

Меня взяли. Черт, меня взяли в исследовательский центр Линкольна!

Уже лежа вечером в постели, прокручиваю раз за разом прошедшую встречу, все еще чувствуя отголоски неверия, что вновь буду работать в лаборатории. Да еще какой! Морально готовлюсь к нелегкому прощанию в колледже, досадливым взглядам преподавателей и мистера Фореста и обиженным — детей, которых полюбила и я за такой короткий срок. Надеюсь, их разочарование будет недолгим. Человек — адаптивное существо, мы зачастую быстро привыкаем и к плохому, и к хорошему. Удивительным образом вырабатываем резистентность к событиям, порой ничего не значащим и, наоборот, чрезвычайно глобальным. Вот бы когда-нибудь приобрести ее по отношению к радиации — все тогда было бы в разы проще...

Они привыкнут, да. Как и я со временем. А пока эйфория растекается по венам раскаленной магмой. Восстанавливаю в памяти каждый кадр общения с Мэйвис, заново перебираю свои ответы и ее вопросы. Что-то подсказывает, что несмотря на внешнюю отстраненность и надменность, она — неплохой человек, и работа с ней сложится. Надо подумать, как отблагодарить Мелани за устроенную встречу.

Жаль, Райана нет рядом... Может, посетить завтра диспетчерскую рядом с казармой и связаться с ним по радиосвязи, обрадовать новостью? Так и распирает от эмоций, до его воз-

вращения точно не сдержусь! Провожу ладонью по подушке, на которой он обычно спит, наклоняюсь к ткани и вдыхаю еле заметный аромат, смешанный с запахом мыла. Всего два дня, а я невыносимо соскучилась...

Кожу начинает покалывать, когда представляю наше горячее воссоединение. В моменте даже думаю о том, чтобы уйти в фантазии глубже и снять напряжение самой: другой рукой медленно несколько раз провожу по животу, воображая ладонь Райана, и намереваюсь спуститься ниже, но... Нет, не решаюсь. Все-таки останавливаюсь.

Лучше дождаться его. Так будет слаще.

Обняв подушку Райана, напоследок вдыхаю родной аромат и прикрываю веки: возбуждение и от новой работы, и от мыслей о моем мужчине постепенно спадает, уступая место накатывающей волнами сонливости. Проваливаюсь в дрему, все плотнее затягивающую в себя.

Мне снится Финикс. Райан с непонятной ухмылкой на лице. Лаборатория Мэйвис. И очень много оранжевого песка. Все смешивается в пестрый калейдоскоп, и вдруг я слышу грохот. Раскаты и шум. *Мне снится гроза?* К звукам примешиваются стуки, и неожиданно понимаю, что они не в моем сне. Нечто словно подцепляет меня за живот крюком, вытягивая в реальность, и когда та вновь встает перед слипшимися глазами, понимаю, что стучат в доме. Стучат в дверь. Бросаю взгляд на циферблат — надо же, прошло уже три часа, как я легла. За окном поднялся ужасный ветер, бьющий в

стекла. Подскакиваю на кровати на очередной настойчивый стук и раскат грома.

Ничего себе, погода разбушевалась...

— Фелиция! Ты дома? — глуховато раздается за входной дверью, и я полностью прихожу в себя.

Быстро накинув широкую футболку Райана поверх топа и пижамных штанов, босыми ногами шлепаю в коридор. Попутно подцепляю очки с комода.

— Фелиция!

Узнаю голос: Майкл, наш друг и боец из команды. Странно. Разве он не должен быть в отряде Райана? Они что, вернулись? В ночь? Где тогда сам Райан?

— Привет, — распахнув дверь, тут же хрипло отзываюсь я, сдерживая зевоту. — Что случи...

Но не договариваю: налетевший ветер вынуждает удержать готовую снестись с петель дверь, а щурящийся Майкл запрыгивает за порог.

— Поднимается буря: надо закрыть ставни снаружи! Пришел тебе помочь! — громко объявляет он, на что я веду плечами, сбрасывая остатки сонливости и тревоги.

— Буря?!

— Ага. Сонора сегодня не в настроении, — забавно подмигивает он, кивая на улицу в сторону вышек и ворот: вижу в свете фонарей, как военные носятся туда-сюда.

— Оу, — выдаю я.

Наскоро надев ботинки, выхожу с Майклом обратно на

крыльцо, и он жестом указывает на металлические ставни у верха каждого окна, на которые я обратила внимание только сейчас.

И как не заметила при переезде?

— Песчаная буря? — тут же нахожусь с вопросом, сообщив, пока помогаю Майклу с окнами: он показывает, как спустить лист, полностью закрывающий стекла от уже налетающего песка и мелкого мусора, и я повторяю то же на соседней раме.

— Она самая! — кричит он, чтобы перекрыть раздавшийся раскат грома. — Надеемся, продлится недолго!

— И часто здесь такое?

Аккурат к концу моего вопроса срабатывает система оповещения города: истошно воют сирены. Вздрагиваю не то от звука, не то от пробирающего кости ветра. На губах скрипит песок, я облизываюсь, чувствуя соленый привкус.

— Нередко! — отвечает Майкл, подбегая к другим ставням. — По радио сообщат, когда все закончится и можно будет выходить! В этот поход Райан не взял с собой, попросил приглядеть за тобой и помочь в случае чего!

А вот и *случай*. Стараюсь не поддаваться панике и делаю все, как говорит Майкл: он помогает мне убрать стулья с веранды и два горшка с зачахнувшими растениями. Хозяйка из меня, конечно, так себе: не уследила за жарой и не поливала их.

— Спасибо! — коротко улыбаюсь, перекрикивая ветер, и

краем глаза замечаю, как жители домов рядом также высыпают на улицу, чтобы защитить жилища от непогоды.

Как мило со стороны Райана позаботиться обо мне вот так: Майкл пришел заранее, до общего оповещения, и это приятно.

— Долго может длиться?

— Надеемся, не будет локдауна. — Майкл, тяжело дыша, подходит обратно ко мне, и мы ненадолго зависаем у входной двери.

Небо черно как бездна. Молний не видно, но начинающуюся бурю слышно все отчетливее.

— Локдауна?

— Местные называют так долгие песчаные бури: от недели и больше... Редкость, но может настичь. — Чувствую, как мои глаза расширяются от страха, едва слышу объяснение. — Запасов воды может не хватить, с Финиксом опять не договорились.

— Воды? Питьевой? — Не замечаю, как вцепляюсь в рукав Майкла, услышав это: внутри колоколом звенит тревога, и ее шум даже не перекрывает новый раскат.

Опять про Финикс. Что-то я недавно слышала про свой родной город и про... Точно. Фергюсон. Говорил что-то про какую-то реку... Это связано с запасами?

— Да, но не переживай: если гроза предшествует, значит, буря будет короткой, — с видом знатока восклицает Майкл, озирая небо, и после дает мне дополнительные инструкции,

обещав навестить позже: — ...будь осторожна, Фелиция: запришь изнутри и не выходи. Не то командир снесет мне голову! Жди отбоя по радио! А я пойду...

Дружески похлопав по плечу, Майкл мягко освобождает-ся из моего захвата, отчего я тут же смущаюсь и мысленно укоряю себя за бестактность.

— Спасибо тебе! — И хоть вопросов в голове теперь целый склад, ограничиваюсь лишь искренней благодарностью.

Еще раз напоследок оглядев фасад дома и убедившись, что все в порядке, прячусь внутри, как только Майкл скрывается в ночи в направлении казарм. Мне страшно встречать свою первую песчаную бурю в Тусоне одной, без Райана, тем более не зная, сколько она продлится, но с другой стороны... Даже каприз Соноры не омрачит главное событие моего прошедшего дня.

Любая буря — хаос, после которого всегда наступает утро, полное света и надежды. Любой хаос в конечном счете ведет нас через испытания к лучшей версии себя... С этими мыслями я запираю дверь на все замки и закрываю щели попавшимися под руки тряпками.

Глава 7

— В этот раз досталось казарме и больнице, — хмыкает Рик, молодой лаборант, оказавший мне теплый прием в первый день работы в Линкольне.

Вот уже вторые сутки подряд Тусон разгребает последствия бури, продлившейся три дня. Первый этаж госпиталя лишился стекол — они треснули, несмотря на защиту ставней, а часть крыши казарм осталась без шифера. И это не говоря о тоннах песка, занесенного на улицы, вырванных с корнями кустарников и перевернутых баков. По ощущениям, мы теперь все на восемьдесят процентов состоим из песчинок Соноры.

— И поделом засранцам-военным... — бормочет Мэйвис, склонившаяся к окуляру микроскопа.

Понедельник, как дата выхода на новую работу, обернулся неразберихой: буря перевернула планы вверх дном. Едва утихли последние отголоски непогоды, я связалась через курьера с центром Линкольна, убедившись в том, что она действительно сдвинула мое трудоустройство на старую-новую должность на несколько дней — кто знает строгую доктораз³ Джонсон, вдруг она предполагала, что заявлюсь на порог сквозь вихри песка именно в оговоренный понедельник?

³ Имеется в виду ученая степень доктора.

Затем уборка дома и устранение последствий: нашего с Райаном жилища они коснулись в меньшей степени, тем не менее было чем заняться... Потом оперативное посещение колледжа, быстрое и смазанное прощание с коллегами и фиксация увольнения: Мелани я обнимала дольше всех, обещав ей встретиться через пару недель в «Тропе», том единственном кафе в городе, как только обустроюсь и будет что рассказать. И наконец, попытка связаться с Райаном по радиосвязи через диспетчерскую казармы: поговорили мы лишь минуту-две, за которую оба убедились, что в порядке, и я оставила нотку интриги с обещанием: *«У меня отличные новости, жду твоего возвращения»*, чтобы долго не занимать эфир.

— Ты, как всегда, к ним строга, — игриво обращается к нашему руководителю Рик, на что она лишь цокает, не отрываясь от наблюдения в прибор, и отвечает:

— Иди в задницу, Нельсон.

За несколько первых часов работы я уяснила следующее: Рик Нельсон, хоть и жеманный тип, любящий сплетни, добрый и увлеченный делом человек. Мэйвис же, несмотря на обманчиво-суровое первое впечатление и возраст, не скупится на нецензурные словечки, шутки на грани и подколы в адрес того же Рика. Субординация вроде и есть, а вроде размыта. Я же пока теряюсь, лишний раз боясь что-то сделать не так или сказать; соблюдаю обращение на «вы» и «доктор Джонсон», а также прячу смешки на каждую шутку наше-

го лаборанта. Не могу позволить себе такого стремительного перехода в плоскость их установленного общения. Не потому, что ханжа, а потому, что такой уровень нужно заслужить.

Поджав губы, скромно молчу, продолжая заносить в специальный журнал количество имеющихся реактивов: первое задание, полученное от Мэйвис. Утро началось необычно: она вела себя со мной так, будто работаю тут годами. Резво поздоровалась, не проверила наличие пропуска и корректность оформления документов, провела к этажерке с банками и бюксами⁴ и всучила в руки журнал для инвентаризации. На отведенный для меня уютный чистый стол указала быстрым движением, словно я вернулась из отпуска и могла забыть, где он. Ноль неловкости и напряженной атмосферы, когда приходит новенькая в коллектив. Ноль скованности.

Кроме Рика, в подчинении Мэйвис еще трое, но я пока их не видела: по ее словам, коллеги помогали в другом крыле физикам-ядерщикам. Информация меня заинтриговала, как и короткий утренний спор начальницы с кем-то в коридоре насчет обогащенного урана, но опять же — не стала закидывать ее вопросами. Всему свое время: я ведь планирую задержаться здесь надолго.

Если честно, с каждой минутой Мэйвис нравится мне все больше и больше. Она не просто экстравагантная женщина с пронизательным взглядом и прямолинейным подходом, но

⁴ Маленькие баночки с притёртой пробкой. Применяются для взвешивания сыпучего материала с его предварительным высушиванием.

и профессионал своего дела. Факт.

— Пусть Фергюсон решит, что их настигла кара небесная. — Закатив глаза и затем посмотрев на Рика поверх очков-половинок, она забавно виляет темно-русыми бровями, на что тот ухмыляется.

Слышу знакомую фамилию и, стараясь не выдать удивления, прокашлявшись, спрашиваю через некоторое время воцарившегося молчания:

— У нас какие-то проблемы с военным департаментом?

— У нас? — Брови Мэйвис вновь взлетают, и она таинственно улыбается, отвлекшись на меня. — Скорее, у них с нами.

— Военные не любят, когда им отказывают, — деловито встревает Рик, отложив в сторону раствор соляной кислоты.

Через мгновение он, подхватив две колбы, исчезает за дверью лаборатории, ведущей в смежную комнату-кабинет Мэйвис, где у меня проходило собеседование. Перевожу внимание на нее.

— Тебе ли не знать? Сама водишься с одним из них.

Она кривит губы, отойдя от микроскопа и сложив руки на груди, внимательно уставляется на меня. Не могу до конца разгадать интонации в голосе своего руководителя, а спросить в лоб как-то не решаюсь: ее и в самом деле интересует моя личная жизнь и выбор, или дело в неприязни к военным? А может, и вовсе причина в другом?

Тем не менее, очередная колкость Мэйвис меня, на удив-

ление, не задевает. Скорее, подстегивает азарт: мы будто негласно начали игру в загадки, как напарницы.

— Ученые им отказывали... — спокойно начинаю рассуждать я, но как только повисает пауза, Мэйвис ее тут же закрывает:

— В разработке оружия. И химического, и биологического, и ядерного.

Ответ выбивает почву из-под ног. Отъезжаю на своем кресле с колесиками, оставив ручку и журнал, и неверяще смотрю на Мэйвис. Скука отпечатана на ее лице, словно она сообщила последнюю сводку погоды.

— Опять? Зачем им снова *такое* оружие?

Ощущаю, как зерна сомнений в хитром сплетении с беспокойством рассеиваются внутри, как частицы.

— За тем, за чем и раньше, — пожимает плечами Мэйвис. — Власть.

— На земле едва ли осталось с три десятка населенных пунктов, кого нам завоевывать? — почему-то не контролирую пробившееся под конец вопроса возмущение.

Бред какой-то. Мы ведь извлекли уроки из прошлого. Оставшееся население на земле сохраняет границы мирного сосуществования, пожалуй, лишь за исключением Ногалеса и пары других городов, предпочтивших по каким-то своим причинам отгородиться от всех. Но даже они не станут в случае чего объявлять новые военные действия уцелевшему живому...

— Друг друга, — загадочно говорит Мэйвис, опустив очки-половинки на кончик носа, и всматривается в меня исподлобья. Затем манит пальцем и отворачивается к столу: — Подойди-ка сюда.

Поднявшись с места и все еще чувствуя смятение, выполняю то, что она говорит. Мэйвис протягивает две колбы с прозрачной жидкостью, едва равняюсь с ней, и добавляет, свернув диалог обратно к работе:

— В этих двух образцах воды из восточных колодцев есть подозрение на радон⁵. Анализ на тебе. Вернись ко мне с отчетом вечером.

Но ее тон и смысл сказанного ранее более не дают мне покоя.

Три дня спустя

Закатные лучи солнца касаются моего лица, когда я выхожу из центра. Глубоко вдохнув пыльный, остывающий от сумасшедшей жары воздух, поправляю рюкзак и смотрю на счетчик. Уставший разум забит вычислениями по анализу воды, занявшими больше времени, чем ожидалось, но все равно вспоминаю о необходимости заглянуть на склад и восполнить запасы продуктов и медикаментов. Как раз закончились таблетки йодида, хлебцы, консервированная говяди-

⁵ Природный радиоактивный газ.

на...

— Ты еще здесь? Не торопишься домой?

Вздрагиваю и оборачиваюсь на голос Мэйвис: она стоит на верхней ступеньке и, щурясь, шарит в кармане легкой куртки. Видеть ее не в форменном халате непривычно и странно. Эти дни мы обе трудились над решением вопроса по очистке радона, и обе задерживались: сегодня впервые ушли вовремя, и моя заминка на крыльце центра позволила Мэйвис догнать меня.

— Да я так... Задумалась, — отвечаю, переводя взгляд вдаль, когда она равняется со мной.

— О женихе?

Вытащив плоскую коробочку, Мэйвис достает самодельно скрученную сигарету и после спички из другого кармана. Проигнорировав мой удивленный взгляд, она молча протягивает мне вторую самокрутку.

— Я недавно бросила, — вежливым жестом отказываюсь, и когда Мэйвис пожимает плечами и выпускает первое колечко дыма, запоздало отвечаю: — Думала о результатах по восточным колодцам.

— А думать надо о женихе, — философски замечает она, обхватив алыми губами сигарету и вновь затянувшись, и мы улыбаемся друг другу.

— Он еще не вернулся из командировки, — не в состоянии скрыть печаль в голосе, зачем-то делюсь я, вновь посмотрев вдаль: в подрагивающей дымке подступающих су-

мерек виднеется линия городских стен, облизанные напоследок солнцем здания, редкие деревья и машины.

Возможно, тоска по Райану была бы не так в тягость, расстанься мы без небольших проблем в отношениях. Все еще надеюсь поговорить с ним о нас, как только вернется: откровенно, начистоту, может, определив какие-то правила и озвучив свои желания. Вступать в брак, пуская все на самотек, — не самое верное решение.

— Небось, и курить бросила из-за него?

— Вы слишком проницательны, доктор Джонсон, — хмыкаю я, опустив взгляд, и спускаюсь на еще одну ступень.

Райану не нравится запах табака, а мне в начале отношений хотелось угодить. Вредная привычка быстро отстала от моего организма, даже не пришлось особо мучиться.

— Здесь, да и в присутствии Рика, можем без официоза, — с безразличием говорит Мэйвис в ответ и следует за мной. — Тебе в сторону казарм?

— Да, наш дом там, рядом... А тебе? — осторожно пробуя на вкус уступку, спрашиваю я, дотронувшись до дужки очков.

Мэйвис зеркалит мой жест и преодолевает последние ступени.

— Я живу в районе водонапорной башни. Недалеко от колледжа. До главной улицы можем дойти вместе.

Киваю, коротко взглянув на то, как окурок отправляется под тяжелый ботинок Мэйвис. Прогулочным шагом пере-

секаем присыпанную песком улицу. Первые минуты идем, каждая погруженная в свои мысли, но после я уточняю волнующий меня все эти дни вопрос:

— Насколько критично, если восточные колодцы не будут очищены и не дадут нужный объем? Если не найдем решения по фильтрам?

Мэйвис кривит губы, искоса взглянув на шагающую меня рядом, и медленно говорит, обдумывая:

— По расчетам инженеров и моей команды, западные колодцы будут справляться еще год. Далее запасы иссякнут. И мне совсем не нравится состав пород в той земле: слишком много тяжелых металлов. Нам нужен альтернативный источник. На восточные вся надежда.

Не успеваю вставить комментарий, как она тише добавляет:

— Или придется осваивать план Б...

Спросить о некоем плане Б пока не решаюсь: за это время я поняла, что Мэйвис — не тот человек, который выдаст все карты сразу. Это заметно и по общим совещаниям с коллегами-учеными других подразделений, и по ее коротким рассказам о себе, когда в лаборатории заходит разговор, и по выдаваемым нам заданиям. Так, я узнала, что она никогда не была замужем, всю жизнь посвятила химии, выстроила карьеру в Тусоне, откуда родом, и не прочь разведывать информацию о планах военных, иногда посещая штаб, где ценят и ее, и ее авторитет.

Все по кусочкам, все в рамках определенных доз.

— Кажется, и в моем родном Финиксе какие-то проблемы с водой, — задумчиво делюсь я, когда мы обходим группу детей, играющих с тенью на асфальте, пока краешек солнца все еще виден за горизонтом. — Сослуживец Райана что-то говорил во время бури, и как-то при встрече генерал Фергюсон упоминал...

Мимо нас с гулом проезжает машина, оставив после себя неприятный запах топлива: Мэйвис провожает ее взглядом, но, услышав меня, тут же оживляется. Резко остановившись, хватая меня за локоть, вынудив тоже затормозить.

— Что ты сказала? — Она пристально всматривается в меня, неторопливо все же отпустив руку, когда мы развернулись друг к другу. — Что упоминал Фергюсон?

Заинтригованная ее реакцией, напрягаю память и пересказываю свой давний краткий диалог с генералом и фразу Майкла. Мэйвис внимательно слушает и вдруг неожиданно выдает, едва заканчиваю:

— Пойдем. Я передумала. — Размашистым шагом она сворачивает на другую улочку, и я, приоткрыв рот и все еще не понимая причин такого поведения, покорно следую за ней. — Провожу тебя, после зайду в штаб.

Но в этот раз покорность только в этом, и я, не выдержав таинственности тона, спрашиваю:

— Что-то не так? Ты что-то знаешь об этом?

— Догадываюсь.

Класс. Начиная жалеть, что поделилась: вдруг Фергюсон не хотел бы распространения? Хотя с другой стороны — разве я выдала какую-то секретную информацию?

Мэйвис оборачивается на торопливо идущую меня, заметив, кажется, проявившиеся на лице терзания, и миролюбиво говорит:

— Не переживай, не выдам. Выцеплю больше информации — обязательно поделюсь. — Мы выходим из проулка и оказываемся недалеко от казарм и КПП, и она добавляет то, что вынуждает тревогу внутри запульсировать сильнее: — Это может коснуться всех нас.

Пока мы сокращаем оставшееся расстояние, я успеваю десять раз прокрутить в голове диалог с генералом и сопоставить с последними словами Мэйвис, но когда хочу вновь засыпать ее вопросами, чтобы добраться до разгадки, представшая глазам картинка меня останавливает.

Вижу, как разворачивается «Хаммер» со знакомыми номерами, отъезжает, открывая обзор на открытый ангар, от которого идет... мой Райан. Теперь, вдавив пятки в землю, резко торможу я, застыв и всматриваясь в его походку. Замечаю, как из подсобки ангара на улицу юркает Дакота, поправляющая футболку, но тут же вновь смотрю на жениха и скидываю руки:

— Райан!

Счастье клоочет внутри. Он вернулся!

Мэйвис, остановившаяся рядом, спрашивает:

— Неужели жених?..

Я не замечаю сарказма в ее голосе и порывисто киваю, улыбаясь. Подскакивая на месте от радости, вновь зову его, сделав после несколько шагов навстречу. За плечами остается странное и протяжное от Мэйвис «*Не лучший вариант*», но я вся поглощена эмоциями и не вникаю. Бросив ей: «Увидимся завтра!» — бегу к Райану, лавируя между другими военными, расхаживающими по улице.

Наконец-то!

Буквально врезаюсь в его крепкую фигуру, стискивая в объятиях и сопровождая радостными возгласами. Нутро за-тапливает теплом, а обоняния касается родной запах, пусть и вновь смешанный с чем-то автомобильным.

— Как я соскучилась! Когда ты приехал? Только что? — Чуть отстранившись, поправляю очки, съехавшие набок из-за порыва, и, не дожидаясь ответов, тут же крепко целую Райана.

Он размыкает губы, коротко улыбнувшись, и приобнимает меня за талию. На загорелом щетинистом лице на мгновение мелькает тень, и Райан хмурится, но почти сразу вновь расплывается в уставшей улыбке.

— Где-то час назад. Не ожидал поймать тебя здесь... Ты откуда? Колледж в другой стороне...

— А это и есть та самая новость, которую я приберегла...
— загадочно говорю я, продолжая нежиться в объятиях и не обращая внимания ни на кого вокруг. — Меня взяли в Линкольн!

— О, Фици, это отличная новость!

Райан с воодушевлением подхватывает меня, кружит и под мой смех опускает обратно на ноги. Так здорово! В этот раз явственно чувствую его поддержку и ответную радость за меня.

— Пойдем домой? — с энтузиазмом предлагаю я, отстранившись, но держа Райана за предплечья. — Я безумно соскучилась...

— Не могу, детка. Фергюсон ждет у себя, есть определенные вопросы, требующие моего участия и опыта... — кисло сообщает он, и внутри обрывается натянутый трос ожидания стольких дней. Разочарованно вздыхаю, но Райан вдруг хитро подмигивает и говорит: — Но мы можем все-таки подняться на башню и понаблюдать за остатками заката, а после я провожу тебя до дома и вернусь на службу. Помнишь, еще тогда хотели посмотреть?

Точно! Я так и не увидела Сонору с момента переезда. Отличный повод! Хотя бы проведу с женихом лишние полчаса-час, прежде чем он вернется в казармы. Чувствую, что расстраиваюсь: я, конечно, знала, на что шла, завязывая отношения с военным, но, черт возьми, ну хоть бы сегодня его никуда не позвали!

Нахожу в себе силы взбодриться и через пару секунд улыбаюсь:

— Давай... Но я все равно дождусь тебя ночью.

Райан, еще раз взглянув в сторону ангара, перебрасывает руку мне на плечи, и мы неспешным шагом двигаемся к КПП.

— Я буду поздно, Фици... — говорит он, когда начинаем подниматься по металлической лестнице на площадку стены. Не успеваю поспорить, как он принимается с интересом меня расспрашивать: — Как ты? Как твоя новая работа? Как восприняли уход в колледже? Я столько всего пропустил, детка.

Тут же принимаюсь взахлеб пересказывать события последних дней, с момента получения должности: про собеседование, про бурю, про Мэйвис и рабочие моменты, пока мы все так же, в полуобъятии, движемся вверх.

Оказавшись в башне наблюдения, коротко здороваемся с бойцом, несущим вахту, и Райан, придержав за талию, ведет меня к раскрытому окну, сквозь которое пробивается прохладный ветер пустыни.

— Ты как? — Рассказав все в красках, на что жених внимательно, не перебивая, слушал, я перевожу дух и останавливаюсь в паре шагов от створки: — Как командировка?

Прислонившись сначала поясницей к подобию подоконника, проницательно смотрю на Райана, забыв на мгновение о Соноре: любимый важнее, каким бы красивым ни был вид.

Но когда он, поцеловав меня в лоб, сам поворачивается к окну и принимается рассказывать, тоже наконец оборачиваюсь.

— Все прошло неплохо, больше утомила дорога, а в один из дней объявили осадки — пришлось пережить в одном из бункеров. Но сильно не облучились...

Слышу Райана, но мой взгляд пригвождается к будто замершей Соноре. Она невероятна... Боже... Кажущаяся бескрайней пустыня простирается вдаль, теряясь в едва колеблющейся нити тумана вдоль горизонта. Пески золотятся напоследок, будто подмигивая мне. Далеко виднеются разрозненные скалы и сухие пучки кустарников, с такого расстояния кажущиеся слишком маленькими. На мгновение я словно чувствую ее энергетику: властную, чуть подавляющую, но сейчас умиротворенную, будто пустыня, устав от солнца, бурь и ветра, готовится отойти ко сну.

— Безумно красиво, — искренне шепчу я, с восторгом впитывая каждый кадр закатной Соноры, поистине поразившей своим пейзажем.

— Да, — кивает Райан и вдруг лукаво улыбается: — У меня для тебя кое-что есть. Добыл в поездке.

Запустив ладонь в карман, он выуживает небольшой кусочек ткани, в который что-то завернуто. Затаив дыхание, наблюдаю, как Райан разворачивает края. Восхищенно выдыхаю, глядя на переливающийся алым небольшой кусочек минерала, обернутый тонкой черной ниткой, представший моему взгляду.

— Это...

— Нечто вроде кулона, — усмехается Райан, тут же зайдя за мою спину. — Мне сказали, это корунд.

— Похоже на то, — умиление подводит меня, срывая голос, и я помогаю Райану убрать волосы мне на плечо, чтобы завязать ниточку кулона сзади.

Луч закатного солнца сверкает в грубых, неограниченных линиях кроваво-алого минерала на моей шее.

— Даже проверил его на радиацию, — шутливо говорит Райан, мимолетно поцеловав меня в шею и вновь появившись передо мной.

Прячу увлажнившиеся глаза, дотрагиваясь до кулона, и усмехаюсь:

— Если это действительно корунд, то он не впитывает радиацию. У него высокая радиационная стойкость...

Подарок так взволновал меня, что следующую минуту совершенно неромантически вещаю Райану о кристаллохимической структуре корунда, где в октаэдрических пустотах между шестью кислородными ионами находятся катионы алюминия. Мы оба прыскаем со смеху, когда я осознаю свою оплошность, вызванную профдеформацией, и после долго обнимаю Райана и награждаю благодарным поцелуем.

— Спасибо, он невероятный, — шепчу ему, когда наши губы отстраняются друг от друга, и Райан подмигивает мне.

Прислонив локти к перилам, он чуть свешивается из окна, оглядывая пески по ту сторону стены.

Просовываю свою руку в его согнутый локоть и кладу голову на плечо, наслаждаясь мгновением. Так мы стоим несколько минут, вслушиваясь в ветер, треплющий мои волосы. Я то и дело дотрагиваюсь до подарка на шее, щупая каждую несовершенную грань, чуть царапающую пальцы. Вдруг Райан негромко заявляет, нарушая благодатную тишину:

— Завтра обмен. Нам понадобится больше свинца... — он словно рассуждает сам с собой, но чуть повернувшись ко мне. — Посмотрим, сможем ли мы договориться с этими ублюдками.

Взглянув еще раз на барханы, отодвигаюсь от Райана. Зябко передергиваю плечами: воздух становится холоднее, а сумерки гуще. Солнце полностью скрылось за линией горизонта.

— Почему они... — нерешительно начинаю я, обняв себя, — почему Ногалес так отстранен от цивилизации?

Райан отталкивается от перил, мягко хлопнув по ним ладонью, и замечает мой вид. Сняв куртку цвета хаки, накидывает ее на меня и после хмуро отвечает:

— Ногалес никогда не был образцовым городом. В довоенное время он был основным поставщиком наркотиков и оружия... Все благодаря тоннелям. Сама как считаешь, какие люди там живут? — он озлобленно хмыкает, а я вновь смотрю на Сонору, будто смогу разглядеть вдалеке скрытый от глаз подземный город. — Кровожадные и безжалостные гов-

нюки, как и их предки. Сейчас под предводительством двух братьев. Вот и весь Ногалес...

— Ты иногда рассуждаешь, как ребенок, — закатываю глаза, вернув внимание жениху, и фыркаю. — Не могут все люди быть плохими, Райан...

Он отмахивается, недовольно продолжая нелестные описания, наверняка давно накопленные внутри и не находившие выхода:

— Жнец и его люди — исключение. А Каратель, его брат и предводитель второго клана, так вообще конченный урод. Фергюсон зря с ним нянчится. Давно можно было бы наладить связь с другими населенными пунктами и торговые пути... А не якшаться с этими монополистами. — Мягко коснувшись моей щеки, Райан устало хмыкает: — Свинец тоже не вечен, милая... Когда-нибудь правление Жнеца закончится.

Подумав с минуту и памятуя о других наших подобных разговорах, решаю в этот раз дипломатично поддержать Райана. В конце концов, он только вернулся, я ужасно истосковалась по нашему общению и не хочу теперь все рушить различием взглядов на эти вопросы.

— И, возможно, кто-то другой придет на место Фергюсона, любимый, и все изменится.

В голубых глазах Райана возникает незнакомый мне доселе жесткий блеск, и он медленно кивает, уходя глубоко в свои мысли. Понаблюдав несколько секунд за его лицом, на

котором проступили желваки, я встаю напротив и обхватываю его ладонями, удерживая и поглаживая большими пальцами скулы.

— Эй... — Прислоняюсь губами к уголку рта Райана, превратившегося в напряженную линию, и нежно, успокаивающе говорю: — Хватит думать об этом. Завтра все пройдет отлично, как и всегда. Надеюсь, никакая буря не задержит на обратном пути, и ты вернешься домой. Как и со службы сегодня.

Игриво виляю бровями, на что Райан хмыкает, расслабившись, притягивает меня ближе и вновь пылко целует.

Мы уходим с башни, и я возвращаюсь домой. Где, к сожалению, так и не дожидаясь его возвращения, уснув в третьем часу ночи.

Глава 8

— Райан... У нас все хорошо?

Хоть я ужасно не выспалась, хоть он вновь собирается на службу, мелькнув дома лишь утром, понимаю, что не могу откладывать более то, что меня гложет. Замираю на пороге, наблюдая, как Райан зашнуровывает берцы.

— Эм. Да?.. — Приподняв брови, он смотрит на меня, явно не понимая, о чем речь.

Я же терпеливо напоминаю, сложив руки на груди и взглянув на время — до работы успеваю, пусть и разговор выходит на ходу:

— Ты обещал, что мы поговорим, когда вернешься. Вчера не хотела поднимать эту тему. А сегодня уезжаешь на обмен, после тебя вновь захватит Фергюсон, а я хочу...

— Милая, прости. — Райан выпрямляется и тут же порывисто берет меня за руки, отнимая их от моего тела. — Прости, если в последнее время вел себя как осел...

Кротко улыбаюсь, глядя на него исподлобья.

— Я просто хочу, чтобы до свадьбы, да и после, между нами все было прозрачно... Меня тяготят некоторые моменты, не хочу их замалчивать.

Мое признание выходит искренним. Таким же, как и следующие слова Райана, который касается моего подбородка:

— Прости, правда, Фици, прости... Обещаю: вернусь с об-

мена, найду для нас свободное время, и мы вдоволь насладимся друг другом. Не только в постели. Хочешь, сходим в «Тропу»?

По крайней мере, кажется, что искренне...

Тряхнув головой, отгоняю воспоминание утра и внимательно смотрю на монитор гамма-спектрометра: тот должен зарегистрировать пики свинца и висмута-214⁶. Нам с командой придется попотеть, чтобы настроить этапы очистки колодцев от радиоактивного газа, потому что определенные знания по аэрации, самого надежного метода устранения радона из воды, утеряны. Зафиксировав данные в формулу на планшете, я вновь поднимаю взгляд на спектрометр, ощущая, как диалог с Райаном опять мельтешит на подкорке. И вдруг...

Дверь лаборатории распахивается. К нам буквально влетает запыхавшаяся Мэйвис. Отвлекаюсь от прибора, недоуменно переводя взгляд с нее на часы — опоздала на десять минут, что совсем начальнице не свойственно. Все эти дни, когда я и Рик приходим на работу, она уже здесь, и не увидь я своими глазами, что Мэйвис все-таки уходит по вечерам домой, подумала бы, что живет в лаборатории.

— Нельсон, — рывкает она, отчего я чуть не сбиваю локтем колбу со стола. — Быстро за ведущим геологом!

Рик, с округлившимися глазами, сначала приоткрывает

⁶ Часть конечных продуктов распада радона.

рот, отложив свои пробирки в сторону, но Мэйвис не дает и шанса:

— Ты еще здесь?! Я сказала: быстро! И пусть захватит планшет!

Пока лаборант резво и молча ретируется, я, чуть вжав голову в плечи, продолжаю оглядывать начальницу. В чем причина такого настроения? Что произошло?

Взглянув на меня в ответ так, будто заметила новую жертву, Мэйвис подходит ближе, уперев руки в бока.

— Помнишь, что подписывала документы о неразглашении? — сурово спрашивает она.

— Конечно, — сглотнув, отвечаю, пытаюсь расслабить плечи. — Что случи...

— Мы переходим к плану Б, — отсекает Мэйвис, резким движением сняв очки-половинки: те понуро свисают на шею, поддерживаемые цепочкой. — Я могу тебе доверять?

— А я тебе? — вдруг ощутив смелость, спрашиваю в ответ.

В прохладной лаборатории повисает вязкая тишина. Слышно лишь мерное гудение приборов и медленно восстанавливаемое дыхание Мэйвис. Выражение ее лица меняется на мгновение: я хмурюсь, думая о том, что так выглядят люди, которых почти поймали на месте преступления. Но она тут же щурится, оценивающе оглядывая меня. На секунду задерживает взгляд на кулоне, который висит поверх формы. По правилам нахождения в лаборатории его стоит снять, как

лишний предмет, который может помешать в процессе работы, и я поджимаю губы, ожидая разноса и за это, но Мэйвис не обращает на корунд внимания, вновь смотря в глаза.

— С чего такой вопрос?

— Мне кажется, ты что-то замыслила, — тихо предполагаю я, ощущая, как окутавшее нас напряжение отпускает. Аккуратно убираю кулон за край формы, пряча к телу.

Мэйвис загадочно улыбается и переводит тему:

— У нас мало времени на разговоры до прихода Мэтью, но... Скажи. Наверняка обсуждаете с женишком дома как его военные тайны, так и наши?

Чувствую, как пересыхает в горле, и едва заметно киваю.

— Райан, бывает, делится, но я...

— Ты должна молчать, — Мэйвис прислоняется к столу боком, тут же обрубая меня. — О наших планах.

Да в чем дело? Непроизвольно снова свожу брови, но все-таки киваю, прервав зрительный контакт с начальницей, и поворачиваюсь, чтобы остановить спектрометр. Извилины начинают работать на пределе. Что за чертовщина происходит?..

— Ты ведь узнала вчера что-то, — понизив тон на всякий случай, если вдруг Нельсон с геологом неожиданно зайдут, говорю я и снова поворачиваюсь к замершей Мэйвис. — У Фергюсона. И не хочешь, чтобы некий план Б дошел до военного департамента. Ведь так?

— Вы слишком проницательны, мисс Фоксхайд, — растя-

нув ярко-алые губы в ухмылке, возвращает Мэйвис мой вчерашний подкол ее самой. Сделав шаг навстречу, она заговорицки добавляет: — Я выяснила кое-что, что, надеюсь, не подтвердится. Но сейчас важно сработать на опережение. С западными и восточными колодцами Тусона, даже если выведем долбанный радон, мы не протянем долго. Поэтому... Я сообщила генералу, что запускаю проект «Сонора», куда запрещаю лезть его военным, пока не получу точных данных.

Вопросов становится еще больше. Ощущаю, как начинают гудеть виски, как нутро обволакивает непонимание. Всеми силами стараюсь не поддаваться панике, как бы тревожно ни прозвучали слова Мэйвис. И только собираюсь разобраться во всем, набрав в грудь воздуха, как тяжелая дверь вновь с пискотворением отворяется, и заходит Рик в компании незнакомого мне коллеги.

— Мэтью. Наконец-то, — недовольно говорит она, потеряв ко мне интерес, и снова упирает руки в бока. — Планшет с собой? Подключай к экрану. Выведи мне последнюю карту по расположению грунтовых вод и отдельно — довоенную карту Соноры. Вы двое... Все вопросы потом, пока молча слушаем.

Я переглядываюсь с Риком. В унисон пожимаем плечами, что раньше точно вызвало бы улыбки, но сейчас сосредоточенно усаживаемся на своих местах. Поднимаю глаза на небольшой экран проектора, на который выводятся изображения.

— Объяснишь, в чем дело? — С ленцой спрашивает ведущий геолог Мэйвис, но она отмахивается, когда возникает первая карта.

Кажется, деталями Мэйвис не будет делиться даже с ним...

— Здесь и здесь истоки пересохшей реки?

Зевнув, Мэтью говорит:

— Да.

Он выглядит так скучающе-утомленно, будто наша начальница не в первый раз выдергивает его из геологического отдела и терроризирует подобными запросами.

— Есть старицы⁷?

Едва успеваю за ходом мыслей Мэйвис и сменяющимися фокусами на карте, когда она тыкает пальцем на экран в разных местах. Пытаюсь разобраться, зачем нам все это, но пока плохо получается. Виски все еще покалывает.

— Две или три. Ближе к Ногалесу.

— Отлично. Насколько мы выше уровня моря?

Нельсон тихо покашливает, и я отвлекаюсь на адресованный мне многозначительный взгляд. Да уж. Больше походит на допрос, согласна...

— Примерно две тысячи четыреста футов⁸.

— Глубина заложения грунтовых вод в этих местах?

— Может достигать и пятисот футов.

⁷ Участок прежнего русла реки, который со временем превратился в отдельный бессточный водоём. Как правило, имеет серповидную или петлеобразную форму.

⁸ Примерно 800 метров.

— Другие ближайшие потенциальные источники? — Мэйвис так четко закидывает Мэтью вопросами, словно у нее дртоики, а не слова.

— Санта-Крус на севере, Эмеральда⁹ в двухстах милях к югу и...

— Хреново, — тут же властно отрезает она, не дослушав, и я вновь удивляюсь тому, с какой скоростью она умеет обрабатывать полученную информацию. — Ладно, попробуем.

Последнее звучит чуть тише, и Мэйвис на мгновение задумчиво смотрит на выведенные карты. Затем безапелляционно обращается к геологу:

— Мэтью, будь готов к экспедиции с командой завтра. Со всем оборудованием.

Удивляюсь тому, что он не задает ни одного вопроса. Невольно вспоминаю слова Мелани: *«Без одобрения Мэйвис сама вселенная не даст вам места в Линкольне, даже если вы будете метить в другой отдел»*. Теперь понимаю истинный масштаб ее авторитета в центре. Мэтью вновь зевает, показывает палец вверх, соглашаясь, и уходит, выключив планшет.

Когда дверь за ним закрывается, а Рик тяжело вздыхает, я наконец осмеливаюсь нарушить молчание своим предположением, сопоставив в голове детали:

— Неужели мы...

Мэйвис как ни в чем не бывало натягивает перчатки, пла-

⁹ Вымышленная река.

нируя вернуться к текущей работе. И с воодушевлением договаривает за меня то, что ввергает в легкий ужас:

— Мы выдвигаемся в Сонору. Для поиска и выведения новых скважин. Точнее... *Для воскрешения старых.*

— Спасибо, — мягко говорю я официанту, по совместительству владельцу «Тропы» Леону, когда тот ставит на стол тарелки.

Поднимаю взгляд на Райана, напротив что-то оживленно договаривающего по рации, но мысленно все еще нахожусь в лаборатории. Мэйвис хочет организовать экспедицию в Сонору. Я вспоминаю все, что слышала о пустыне, и меня тут же бросает в дрожь от идеи, обоснованности которой так и не поняла до конца. Что именно узнала Мэйвис у военных — осталось тайной, в которую нас с Риком пока не посвятили. Надеюсь, *пока...*

Одно дело — любоваться Сонорой с башни КПП, зная, что за плечами защищенный город, инфраструктура, ресурсы; другое дело — поехать туда с мобильной лабораторией. Озабоченным взглядом окидываю Райана, отложившего рацию и взявшего салфетку: стоит ли портить свидание новостями? С учетом его предупреждений о походах в пустыню, вряд ли он отнесется к моей предстоящей поездке со спокойной примиримостью. Может, все-таки уговорить Мэйвис

обеспечить нам хотя бы военный конвой? Ну почему, по какой причине мы не хотим посвящать их в проекты исследовательского центра? Что на самом деле происходит между военными и учеными?

И вот как мне теперь сказать Райану, с учетом данного обещания не обсуждать что-либо по проекту? Понимаю, что это рабочая задача — Мэйвис сразу обозначила, что не просто так берет меня с собой, несмотря на малый опыт именно в ее команде.

«Ты, пожалуйста, единственная, кто так хорошо разбирается в радиоактивных элементах. Я хочу получить результаты по скважинам в Соноре сразу же. Я должна знать, что воды не заражены. Остальное отфильтровать проще», — вот и весь ее аргумент, который не оставляет ни фута для отступления.

Но с другой стороны: а если что-то случится? Как себя почувствует Райан, не знавший, где я на самом деле в течение дня, и которому сообщат о каком-нибудь происшествии со мной в Соноре?

— Милая, — окликает он меня, с беспокойством смотря на зажатую вилку в моей руке. — Ты какая-то напряженная. Что-то произошло?

Судорожно вдыхаю, отпустив прибор, который почти перегнула, настолько мысли стали душить. Облизываю губы, часто моргая:

— Задумалась... Много всего на работе, немного устала...

Расскажешь, как прошел обмен?

Намеренно перевожу тему и надеюсь косвенно получить еще немного информации о Соноре: Райан ведь только оттуда. Внутри мгновенно холодеет, что как минимум две точки моей будущей экспедиции будут слишком близко к Ногалесу. К запретной территории... Нет, надо поговорить с Мэйвис. Нам нужно сопровождение, так нельзя. Как мы вообще собираемся выдвинуться из города с кучей оборудования для бурения и анализа, если ворота охраняются военными?

— Тяжело, — проведя по чуть осунувшемуся лицу, говорит Райан. — Мы не договорились о большем количестве свинца. Жнец не доверяет нам, а мы ему... Это вынужденное сотрудничество постепенно себя изживает.

Леон приносит ароматный суп, и, пока расставляет ложки, я молчу, озираясь. Гитариста сегодня нет, а жаль — музыка немного расслабила бы. Кроме нас, за цветастыми столиками на открытой деревянной веранде еще несколько человек, любующихся суетой маленького города и наслаждающихся вечером.

— Для чего нам больше свинца? — спрашиваю, когда Леон, пожелав приятного аппетита, отходит от нас.

Райан, принявшийся за еду, вдруг замирает, внимательно осматриваясь, и только потом, понизив тон, говорит:

— Нам нужно больше оружия. Для пуль и не только.

Задерживаю дыхание, услышав это, и глоток супа встает поперек горла. В памяти всплывают слова Мэйвис...

— Любимый, что... что происходит? — со всей серьезностью, с нажимом тут же спрашиваю я, поймав его взгляд.

— Не могу сказать, Фици, — сведя брови, так же тихо отвечает он, — но нам нужно быть готовыми ко всему.

— Ты пугаешь меня.

— Извини, не хотел... — Райан вытирает губы салфеткой и улыбается, но улыбка выходит вымученной, а мои подозрения усугубляются. — Давай лучше поговорим о свадьбе. Когда и как ты хочешь?

Сосредоточиться на личных планах не получается. Как и выяснить что-то про Сонору: Райан станет задавать ответные вопросы... Поддерживаю беседу и слушаю его дальше вполуха, постоянно прокручивая внутри ощущение некой связи между событиями: нужно оружие, Мэйвис что-то выяснила у тех же военных, наших колодцев будет недостаточно, даже если очистим восточные от радона. Черт, что на самом деле происходит? Что нам недоговаривают? К какой алой границе невидимой пока опасности мы подступаем? С кем? Против кого?

Голова вновь начинает раскалываться, когда мы через час уходим из «Тропы». Райан берет мою ладонь, оглаживая ее большим пальцем, пока прогулочным шагом возвращаемся к дому. Поднимается ветер, бросающий пыль и песчинки в лицо. Я все пытаюсь оставить размышления на завтра, но природное любопытство и целеустремленность не дают покоя. Хоть сейчас бросай жениха и беги в район водонапорной

башни, чтобы найти жилище Мэйвис и потребовать ответы...

Меня будто затянули в некую игру, не объяснив правила и роль. И мне это уже не нравится.

— Зайду в душ, а то по ощущениям после поездки я сам стал Сонорой, — отшучивается Райан, когда оказываемся в прихожей.

— Я буду в спальне. — Звучать игриво не получается: все происходящее настолько прочно обосновалось в голове, что теперь самой не до секса.

Едва ноющая голова касается подушки, медленно прикрываю веки, вслушиваясь в шум воды за соседней дверью. С утра же все обсужу с Мэйвис. Мне нужно больше деталей, больше понимания, во что именно она втягивает нас с этой экспедицией. В Сонору не ходит никто, кроме военных, и не хочется становиться исключением просто так. Я должна понимать цель. А Мэйвис, надеюсь, поймет меня...

Пытаюсь окончательно не провалиться в сон и дожждаться Райана, попутно тщетно расслабляя разум и настраиваясь на ласки, но напрасно. Засыпаю так крепко, что не слышу, как он возвращается из ванной и ложится рядом.

И... цепная реакция запускается раньше, чем я могу предположить.

Сквозь сон, где я вновь вижу бесконечные барханы песка, а после — себя, оглядывающуюся на ворота Тусона, глубоко ночью слышу шипение рации Райана. Приподнимаюсь в постели, сонным взглядом наблюдая, как подскакивает следом

жених.

— Что такое?..

Не успеваю договорить, как внутри все обрывается. Райан застывает, неверяще смотря то на рацию, то на меня. Мы получаем сообщение, похожее на раскат грома среди ясного неба: военные Финикса напали на военных Тусона в районе реки Санта-Крус...

Глава 9

Остаток ночи я потратила на то, чтобы хоть как-то совладать с паникой, охватившей каждую клетку тела. Как в тумане проводила Райана, не в силах сначала его отпустить. Я обнимала его так крепко, проливая слезы на плечо, словно прощалась навсегда. Он шептал успокаивающие фразы и в какой-то момент все-таки высвободился сам, бросив напоследок: *«Все обойдется. Это какое-то недоразумение. Мы все решим»*.

Я видела, как и он сам взволнован ужасной новостью, хоть и старался не подавать виду. Мы были чертовски ограничены в информации, и судя по тишине города, военные не собирались поднимать жителей на ноги тревожным оповещением. Пока. Единственное, чем пришлось довольствоваться, — верой Райану. Его словам, что все будет хорошо.

Как мы допустили эту ситуацию? Почему было совершенно нападение?

Вопросов так много, что они причиняют ощутимый дискомфорт, как разворошенный пчелиный рой, напавший на человека. Боль простреливает виски, вновь возвращая себе власть, когда утром захожу в лабораторию, на ходу теребя кулон. Работу никто не отменял, несмотря на ночную бессонницу. И сегодня важный и сложный день... День, внушающий не меньше страха, чем ситуация в границах Финикса.

Как же все некстати...

Вижу Рика и Элисон, коллегу из команды. Миниатюрная, неразговорчивая блондинка с бледным лицом и огромными глазами-блюдцами, почти всегда чересчур влажными, будто вот-вот расплывется над результатом очередного химического эксперимента. Зато в рабочей связке с физиками-ядерщиками Элисон нет равной по знаниям, поэтому в лаборатории мы видим ее нечасто, несмотря на подчинение Мэйвис.

— Где доктор Джонсон? — нервно спрашиваю, не найдя ту в кабинете, который проходила до этого.

Атмосфера в лаборатории словно начинена нитроглицерином. Коллеги напряженно трудятся, и в их движениях можно поймать непривычную резкость.

— Пойдем, провожу, — хмуро предлагает Рик, так же не здороваясь, и стягивает перчатки.

Я пытаюсь угадать по его лицу, знает ли о том, что произошло ночью. Вдруг есть свои источники? Слухи всегда распространяются подобно радиации — быстро, проникающе, незаметно. Та же Мэйвис, если еще не обзавелась новыми данными от военных, точно узнает о ситуации от меня. План по серьезному разговору все еще в силе, хоть и скорректированный из-за ночных вестей.

В молчании покидаем нашу лабораторию и проходим на этаж выше. Рик открывает для меня дверь, ведущую в широкое помещение. Перешагнув порог, неуверенно озираюсь по сторонам. На светлых стенах висят карты, различные данные

с пометкой «грунт», везде столы, а в углу — самый большой с выложенными образцами земли. Замечаю Мэйвис, суетливо носящуюся с коллегами, среди которых узнаю Мэтью, и понимаю — я в отделе геологов. Бросаю тихое «спасибо» Рикку — он кивает и уходит. И, спрятав ладони в карманы халата, подхожу к Мэйвис со спины. Остальные замечают меня, но никак не обозначают это — в отделе царит атмосфера хаоса, которая не нарушается моим появлением.

— Ты знаешь, что произошло ночью? — Пусть покажусь невежливой, но мне некогда распинаться в приветствиях, поэтому, откашлявшись, тут же обращаюсь к спине своей начальницы.

Она не вздрагивает, не замирает, не подскакивает от удивления: бросив на меня короткий взгляд через плечо, Мэйвис подхватывает какие-то бумаги со стола и внимательно изучает. Выдержав паузу, в таком же тоне отвечает:

— Да. Думала, у нас еще есть время...

Глубоко вздыхаю. Подхожу ближе, сравнившись с ней, и наблюдаю за действиями, назначение которых не понимаю. Но так расстояние сокращается до более приватного разговора. Мэтью что-то говорит Мэйвис про старицы в Соноре, затем отходит, на что она лишь отмахивается, вновь листая какие-то расчеты.

— Ты ведь знала, что *такое* возможно? — с нажимом на слове, едва слышно спрашиваю я, ощущая, как нутро стягивает от напряжения.

— Знала. Фергюсон поделился, что в последнее время военные Финикса не так дружелюбно к нам настроены. Отсюда и возник мой план Б. Я не ссыалась на разговор с тобой, не переживай.

Память подкидывает фразы и кадры: Райан говорил про свинец и пули; генерал упоминал Финикс и проблемы с рекой, что я наивно истолковала неверно, Мэйвис же... Нагрязнула в тот вечер в штаб и выяснила информацию о потенциальной опасности. Вновь чувство, будто я, не посвященная в детали, пребываю в центре разворачивающейся новой катастрофы и никак не могу на это повлиять.

— Ничего не понимаю. Честное слово... — Голос срывается, как и слетает напускное, едва сдерживаемое прямой осанкой безразличие: эмоции топят меня, и я нервно провожу пальцами по лбу, случайно задев очки. — Это все какой-то бред. Почему они на нас напали? Мы же ведь... Мы ведь заодно!

— На нас они пока не напали. Вопрос времени, — хладнокровно поправляет Мэйвис, внимательно уставившись на меня сквозь линзы-половинки, а я почему-то смотрю на краешек ее тату на шее, будто так могу отвлечься. — На данный момент Финикс ограничивает доступ к реке, а значит — к потенциальному источнику питьевой воды. Санта-Крус очистить проще, чем фильтровать подземные текущие колодцы. И Финикс не хочет делиться. Не хочет поставлять воду.

Информация опрокидывает меня навзничь второй, тре-

тый раз за сутки — я потеряла счет количеству испытываемого шока.

— Звучит как... абсурд. Расстояние от Тусона до Финикса не такое большое, у нас много общих не зараженных территорий, — отнимаю руку ото лба так резко, что случайно царапаю кожу ногтем. — Мы, в конце концов, одной...

— Крови? Нации? Государства? Не хочу тебя расстраивать, но это не имеет значения примерно... хм... триста семьдесят лет.

Глубокий грудной голос Мэйвис, обычно наполненный ленцой, теперь сочится сарказмом, и я захожусь сильнее — да почему она так спокойно реагирует, когда я не нахожу себе места, не зная, как удушить тревогу внутри? Как она это делает? Возраст? Опыт? Неужели совсем ничем не удивить и на все найдется ответ?

Собравшись с мыслями, спрашиваю, исподлобья наблюдая за копошащимися геологами, пока Мэйвис рядом, деловито поджав неизменно красные губы, читает или делает вид, что читает документацию:

— Финиксу нужна власть? Над ресурсами?

— Финиксу нужна и власть, и ресурсы. Особенно те, что очень ограничены. — Откинув бумаги, Мэйвис бормочет под нос: — Удивлена, как при таком подходе они до сих пор не сотрудничают с Ногалесом, перекупая свинец у нас... Точнее, не грабят Ногалес.

Мне кажется, что при упоминании подземного города ее

тон как-то меняется, становится мягче, но после убеждаю себя, что не в состоянии сейчас отличить разнообразие оттенков эмоций у нее, когда сама готова взорваться от возмущения и несправедливости. Страх за жизнь Райана, да и что там — *за наши жизни* — выбил меня напрочь из колеи.

— Им что, больше нечем заняться? После всех кошмаров, что когда-то произошли?

— О, моя милая. Если бы Всемирная война уничтожила человечество полностью, этих проблем не было бы.

Начальница сверкает хищной улыбкой, повернувшись ко мне, и окидывает меня пронизательным взглядом. Будто пытается оценить состояние. Засовываю руки в карманы вновь, потом резко достаю и... заломив, жалостливо рассуждаю, словно только она может изменить ход событий или иначе помочь:

— Мэйвис... Они не могут так просто взять и отрезать нас от реки. Она общая! Как и та нефтяная платформа на западе! Представим на мгновение, что колодцы Тусона перестанут функционировать: неужели Финикс будет просто наблюдать со стороны, как мы погибнем от нехватки воды? Мы ведь еще и так близко к пустыне!..

Мои доводы ведь звучат разумно, так?

— Да, будет. — Мэйвис пожимает плечами как ни в чем не бывало, и это раздражает еще больше. Как и последовавшее жесткое продолжение: — Каждый сам за себя и сам по себе, Фелиция. В этом новом, *прекрасном* мире. И тебе сто-

ит поскорее понять это и принять, если хочешь хоть как-то выжить.

— Мне претят принципы эгоизма... — тут же парирую я, нахмурившись и вцепившись руками в собственные плечи.

Мэйвис останавливает переборку карт и документов, щурится и резко меняет тему:

— Твой благоверный уехал?

Сбитая с толку, отвечаю, вновь неохотно погружаясь в воспоминания:

— Да... Я узнала о случившемся от него. Экстренно сообщили по рации.

Теперь ее очередь хлестать меня колкими фразами, а я пока не понимаю, к чему идет расспрос:

— Он знает, что ты едешь в экспедицию сегодня?

Повисшее между нами молчание все усложняет.

— Нет, — сипло отвечаю, поджав губы. — Ты ведь приказала не обсуждать...

Мэйвис убирает назад локоны распущенных волос, что делает ее образ моложе на пару лет, и я снова невольно смотрю на татуировку: необычные линии темно-бордового и черного оттенков, маленькие цветы, похожие на розы и ромбики. Что она, интересно, значит?

— Дело не в моих приказах. А в твоем выборе. И эгоизм в него здорово вписывается, так что пересмотри взгляды на то, что тебе претит.

Сказанное влетает в меня, как пощечина, и я понимаю,

что аргументов нет. Остались только боль, страх и непонимание дальнейшего, как и действий в собственной судьбе. Мы сталкиваемся взглядами. Волнение погребает под собой окончательно, и я расклеиваюсь:

— Мэйвис, я боюсь, что... — Ком в горле мешает нормально говорить, звучу, как школьница-нюня, кое-как закончив мысль: — Я не смогу.

Не смогу поехать в экспедицию. Не смогу вынести смерть Райана. Не смогу жить со своими миролюбивыми устоями, если разразится война. Очередная и, кажется, последняя война...

Мэйвис, как коршун, озирает меня, уперев одну руку кулаком в стол. Затем порывисто берет за плечи и легонько встряхивает. Вкупе с последующими вопросами это приводит в чувство.

— Не сможешь что? Попытаться что-то изменить со своей стороны? Сделать так, чтобы у жителей твоего города была *своя* вода? Которая станет весомым аргументом в пользу прекращения столкновений? Не ты ли минутой ранее говорила про неприязнь к эгоизму?

Каждый вопрос поражает меня боеголовкой в цель. Отрезвляет. Заставляет задуматься по-настоящему. Дать место рациональности, а не эмоциям.

Судорожно киваю, глотая пару скатившихся слез, и просто замираю в ее хватке, которая странным образом успокаивает.

— Я... Извини... Не знаю, что на меня нашло.

На самом деле знаю. Но сказать так — проще. Мэйвис дожидается, пока утру влагу со щек, и только потом отпускает, оставив после захвата мою форму смятой. Игнорируя любопытствующие взгляды коллег-геологов, остановивших свои сборы для экспедиции в Сонору, она твердо проговаривает, так, чтобы слышала только я:

— Так-то лучше. Соберись, Фелиция. И сделай все, что требуется. Большого от тебя никто не просит. Ты не одна, кого новость о бойне пошатнула, но одна из немногих, кто хоть как-то может повлиять на наше будущее.

Разговор с Мэйвис оказывает бодрящий эффект. И хоть где-то на краю сознания еще загнанной птицей бьется тревога о Райане, приходится полностью сосредоточиться на подготовке — моя начальница права. Да и я привыкла решать проблемы по мере их поступления.

Не хочу знать, как именно Мэйвис добывает сведения у военных и у Фергюсона, в частности, если так их не переваривает, но не верить ей не могу. Она попыталась сработать на опережение, что не удалось, но поникать раньше времени мне больше не хочется. В стремлении обеспечить безопасность по-своему, добыв питьевую воду для населения Тусона, мы с Мэйвис схожи. Мотивы, может, и различны, но все-

так и в цели мы солидарны.

На мгновение представив, как те дети из колледжа, которых еще недавно учила, станут страдать от обезвоживания и умирать, ощущаю болезненно сжавшееся под ребрами сердце.

Вдруг возобновленные источники в пустыне станут аргументом для переговоров? Знать бы еще, отчего военная верхушка Финикса сошла с ума — по-другому охарактеризовать их действия попросту не могу. И как я ничего не замечала, столько лет прожив там? Может, они и вовсе не планировали нападения? Может, и Мэйвис с Фергюсоном не знают всей правды? Дедушка считал, что у меня пытливый ум. Что ж, сейчас он буквально голодает из-за недостатка жизненно важной информации, равно как и страдает от избытка вопросов...

Поскорее бы вернулся Райан со своим отрядом... Хотя что-то сможет обрисовать. Мысль, что могу потерять его, — невыносима.

Черт, как же я не терплю несправедливость! Гребаная эмпатия и стремление к балансу во всем когда-нибудь доведут меня до нервного срыва! Родиться в семье ученых — *привилегия*. Родиться в семье равнодушных к разрушению оставшегося мира ученых — *проклятие*...

— Это для тебя. — Элисон протягивает коричневую форму, слегка смахивающую на военную, и сначала я хмурюсь.

— Спасибо, — спустя несколько секунд отвечаю, поняв,

что в Сонору явно не будем выдвигаться и возвращаться в стерильных халатах.

Ловлю на себе долгий взгляд Мэйвис, которая берет свою форму из шкафчика раздевалки, что рядом с нашей лабораторией, и неуверенно киваю, чтобы дать еще раз понять: я в порядке.

Хотя... Я ни хрена не в порядке.

Стиснув зубы, иду переодеваться. Команда химиков и геологов условилась встретиться на минус первом этаже через десять минут — там я еще не бывала.

— Не задерживайся, — с многозначительным оттенком предупреждения, но лояльно бросает Мэйвис и уходит.

Остаюсь одна.

Прикрыв веки, глубоко вздыхаю и взываю к собственной рациональности еще раз. Пока не уложу мысли на полочки, не выйду отсюда.

Первое — информации очень мало, факт. Накручивать себя в том, что все близлежащие поселения будут втянуты в новую войну за реку, бессмысленно. Аккуратно снимаю кулон, встряхнув волосами, и прячу в кармане формы, взвизгнув молнией.

Второе — Райан выполняет свою работу, а я — свою. Если так подумать, мы оба рискуем, и я — постоянно, напрямую работая с радиоактивными элементами. Хочется верить, что Фергюсон отправил одного из лучших командиров в зону боевых действий не для продолжения этих самых действий.

Для урегулирования. И у Райана получится. Должно получиться. А я и мое сердце вытерпят мучительную разлуку... Следом в другой карман идет кольцо, которое тоже боюсь потерять в пустыне.

Третье — нужно сосредоточиться на экспедиции, если не хочу вылететь отсюда быстрее, чем хлорид натрия растворяется в воде. Со мной ничего не случится, а Райан не узнает... Как и обещала Мэйвис.

— Ну же, Фелиция, — тихо, со злостью наставляю свое отражение в зеркале, затягивая волосы в хвост. — Не веди себя как истеричка.

Форма по размеру большая, но широкие штанины хотя бы не мешают друг другу при ходьбе. На остальное плевать. Взглянув напоследок на свое осунувшееся бледное лицо, выхожу из прохладной раздевалки.

Спустившись на нужный этаж, вижу приоткрытую широкую металлическую дверь, из-за которой доносятся знакомые голоса. Переступив порог, невольно задерживаю дыхание — мы в подземном ангаре, из которого ведет гигантский тоннель.

Здесь высокий свод потолка со множеством мерцающих ламп. Отполированный пол, выложенный из огромных квадратных плит — шаги по нему раздаются приглушенно, а вот голоса разговаривающих разносятся эхом по пространству. Вижу огромную машину с установленным автоматиче-

ским почвенным буром 10¹⁰ — такой агрегат, с виду, готов бурить аж до ядра Земли. Выглядит устрашающе. У такого же немалого «Карго Трак» 11¹¹, к которому подцеплен отдельный блок мобильной лаборатории, стоит Мэйвис, скрестившая руки на груди. Заметив меня, подзывает движением ладони.

Обходя суетливо бегающих коллег, проверяющих последнее перед выездом, достигаю начальницу и тихо спрашиваю:

— И давно у нас под Линкольном вырыты тоннели?

— Давно, — загадочно улыбается она, уперев стопу в тяжелом ботинке в песочного оттенка борт «Карго».

Понимаю, что не добьюсь большего, пока Мэйвис сама не захочет рассказать. Черт возьми, серьезно? Тоннели? Уже догадываюсь, что они ведут за город. И что военный департамент наверняка не в курсе.

— Фергюсон же знает о проекте, ты сама говорила... Не проще ли было бы достать пропуск и выехать за ворота? — резонно спрашиваю я, с опаской озирая уходящий в бесконечность тоннель, затем оборудование, разнообразные ящики, аккуратно уложенные тросы и провизию. Зловеще мигают фары машин, и по телу неконтролируемо проносятся мурашки.

¹⁰ Прибор, который нужен для взятия образцов грунта с разных глубин залегания. Бывает частью тяжелых автомобилей, предназначенных для геологических разведок.

¹¹ Cargo Truck. Американский аналог тяжёлого армейского грузовика «Торнадо».

— Проще, — растягивая слова, со спокойной улыбкой отвечает Мэйвис. — Но это неинтересно. Один из тоннелей ведет на выезд из Тусона: прокатимся в прохладе, а не сразу под солнцем. А во-вторых...

Она отнимает спину и ногу от машины, расцепив руки, и продолжает, пока я задумываюсь над тем, что подземных дорог явно несколько:

— Люблю, когда генерал в долгу у меня, а не я у него. Пока центр Линкольна обособлен даже в таких нюансах, как выбор пути, сила будет на нашей стороне.

Лезть в эти интриги сейчас не хочется. Они меня не касаются, хоть внутренне, не знаю почему, чувствую солидарность с Мэйвис. Сосредоточенно киваю, не решив спросить что-либо еще: к нам в этот момент подходят Элисон и Рик, и я отступаю на шаг, чтобы не дать повода подумать о слишком частых тет-а-тетах с Мэйвис. Она теряет ко мне интерес и общими словами в своей строгой манере раздает указания команде до того, как сядем в машину.

Напоследок проверяю уровень радиации на счетчике, который может измениться в ближайшее время с выездом в Сонору по мере приближения к местам старых очагов от бомб. Затем — карманы формы, в которых расположены мелкие инструменты для работы, и питьевую воду в нескольких бутылках. Для профилактики закидываю в рот таблетки йодида калия, тут же запиваю их, и одной из последних усаживаюсь в наш экспедиционный транспорт.

Мы выезжаем первыми, буровая установка и геологи — следом. Оказавшаяся рядом в тесном кузове Элисон ожидаемо молчит, с Мэйвис же я сталкиваюсь взглядами, на что она таинственно виляет бровями, будто мы едем на увеселительную прогулку, а не в Сонору, и более ничего не говорит.

Свет чередующихся потолочных ламп с определенным интервалом прорезает окно машины, и когда я устаю смотреть на темные стены кажущегося нескончаемым тоннеля, мы сворачиваем влево, оставляя бездну развилки позади. Останавливаемся на минуту посреди дороги, чтобы водитель приложил карту-пропуск к считывателю и широкие, в половину прозрачные, закрывающие проезд, ворота открылись. После оказываемся на поверхности. Выезд выглядит неприметным, как некий зев большой пещеры, из которой вынырнули машины. Стена Тусона остается маячить далеко позади.

— В тоннеле справа, мне показалось... не было освещения, — щурясь от солнечных лучей, без приглашения затопивших кузов, едва слышно говорю я Мэйвис.

Она долго смотрит вдаль. Морщинки вокруг глаз становятся глубже, взгляд стекленеет, становится задумчивым, когда Мэйвис наконец отвечает так же тихо:

— Правое крыло когда-то вело в Ногалес.

В этот момент давлюсь собственной слюной, не веря услышанному, но Мэйвис одаривает меня неясной усмешкой и обращается к Рику, сидящему рядом с водителем, с каким-то

вопросом. Который уже не слышу, переваривая информацию.

Наличие пусть и заброшенного тоннеля становится четвертым пунктом в моем внутреннем списке тревог, и даже слово «когда-то» не успокаивает, вынуждая остаток поездки содрогаться от одной лишь мысли, что Тусон и Ногалес связаны проходом...

Глава 10

Жгучее солнце обжигает песок Соноры, разливается по небесам. В пути мы уже два часа и вот-вот доедем до истока когда-то протекавшей здесь реки. Мэйвис решила начать с нее и нейтральной зоны, не прилегающей к Ногалесу, чем вызвала мой облегченный вздох. Хотя какой в нем толк, если завтра и послезавтра мы все равно доберемся и до стариц. Каждый час был на счету, а отсутствие связи с Тусоном и непонимание происходящего у Санта-Крус и вовсе подгоняло.

Река в Соноре исчезла задолго до Всемирной войны, когда основными маячившими проблемами были изменения климата и ухудшение экологической ситуации. Радиация добила эти места после, и сейчас уже никто и не вспомнит названия реки. Когда-то здесь был источник жизни. Теперь это лишь очередной песчаный уголок в погибшем мире...

Нельсон периодически напоминает нам следить за водным балансом и уровнем радиации, но духота кузова переделанного армейского трака и так очевидно намекает о первом, поэтому в какой-то момент Мэйвис отвечает Рiku смачный подзатыльник. Типично по-матерински. Невольно усмехаюсь, чувствуя, как пламенное кольцо беспокойства в груди немного ослабевает с разрядившейся обстановкой. Молчаливо согласна с начальницей: нам только душных ком-

ментариев Рика сейчас не хватало...

К подножию невысокого скалистого холма подбираемся, как раз когда солнце занимает царское место над горизонтом, обрушив на нас всю силу. Разбиваем лагерь, и Мэйвис с Мэтью раздают каждому в своих отделах задачи. Всего нас в экспедиции — восемь человек.

— Как добудем первую пробу, сразу в анализатор. Хочу узнать, не ждут ли нас альфа и бета¹² в воде, — бодро обращается ко мне Мэйвис и скептически оглядывает мои собранные волосы. — Если не хочешь, чтобы я откачивала тебя от солнечного удара, стащи у Нельсона запасную кепку.

Вот же... И как я не предусмотрела головной убор? С полуулыбкой осматриваю замотанную на манер тюрбана голову Мэйвис и поднимаю большой палец вверх:

— Будет сделано, доктор Джонсон.

Она улыбается в ответ, а проходящий мимо Нельсон, услышавший подкол, нарочито тяжело вздыхает. Через минуту он бросает мне вторую кепку, выудив ее из уже нагретого кузова машины.

Геологи берутся за оборудование, среди которого не только автоматика — вижу и кирки, и лопаты, и иные агрегаты непонятного назначения, а мы идем готовить колбы и установки для забора проб воды. Анализ изотопного состава

¹² Имеются в виду альфа и бета излучение, одни из видов радиоактивных излучений.

ва13¹³масс-спектрометром на Рике и Элисон, не проронившей ни слова, как очутилась в Соноре. Это первое, что необходимо сделать, если вода все-таки найдется, чтобы понять путь ее перемещения и как долго она была в подземных слоях. Далее в игру вступаю я: задача с помощью мобильной лаборатории выяснить, есть ли в образце частицы излучения и радионуклиды.

Буровая установка принимается за работу, разметая песок: благо геологи разметили границы вокруг тяжелой машины, и мы далеко от нее. Закончив последние приготовления в мобильной лаборатории, вытираю вспотевшую шею рукавом, вновь укорив себя, что не обзавелась и платком в поездке.

— Алонсо Фоксхайд — твой дед? — неожиданно спрашивает меня подошедшая спустя полчаса Мэйвис и отпивает воду.

Мешкаю мгновение, пока убираю налетевший прилипший волос к губам и аккуратно отплеываюсь от песка. Обжигающий ветер окутывает нас коконом.

— Да. Мелани рассказала? — решаю предположить, закрыв кейс с портативным компьютером, чтобы защитить от палящего солнца.

Мэйвис цокает языком, протягивая мне бутылку.

¹³ Анализ изотопного состава воды важен, например, для оценки качества воды, так как «тяжёлые» разновидности воды по своим физико-химическим свойствам и негативному воздействию на организм существенно отличаются от обычной воды.

— Я бывала на его лекции в Финиксе однажды... Давно, — растягивая слова, говорит она. — Запомнила необычную фамилию. Занимательно объяснял работу ториевых нейтронных бомб.

Удивленно вскидываю брови, оглядывая начальницу, и принимаю бутылку. Интересно, когда это было? Дедушка умер шесть лет назад, на тот момент я еще училась в колледже, а Мэйвис... Сколько ей все-таки? Приезжала для обмена опытом?

Мы почти синхронно отворачиваемся от лаборатории, прислонившись к кузову, и принимаемся наблюдать за работающей вдали установкой. Шум долбит по ушам, но поднимающийся ветер иногда рассеивает звук бурения.

— Надо же... — одобрительно тяну я, отпивая и возвращая воду. — Люблю его труды по торию. Часто перечитываю.

— Хранишь их в папке?

Сначала не понимаю, откуда Мэйвис это известно, потом вспоминаю, что приходила на собеседование с ней.

— А, да... Часть в ней. Берегу как могу. Там много ценных данных.

Обмениваемся с начальницей короткими взглядами. Рядом на песке поскальзывается Рик, чуть не упав и не придавив идущую сбоку Элисон, но вовремя ухватившись за столб разбитой палатки-навеса. Только вот пробирки удержать у него не получается. Мэйвис, завидев их на песке, ворчит что-

то из серии: «*Я когда-нибудь его прибую*», но затем вновь заинтересованно смотрит на меня. Я тщетно пытаюсь скрыть смех, когда начальница возвращает к теме:

— Можно изучить на досуге?

— Конечно, — охотно соглашаюсь, посерьезнев и лишний раз не думая: ей я такие документы могу доверить, зная, что ничего не случится. — Могу принести завтра в лабораторию.

Мэйвис переводит взгляд на поднимающегося Рика и бедную покачнувшуюся Элисон и кивает. Воспринимая жест как лаконичную благодарность, и она уходит к Мэтью, что-то крича сотрудникам.

Спустя полминуты отворачиваюсь от обзора, вернувшись к проверке оборудования и настройке спектрометров. Надо при другом удобном случае расспросить Мэйвис про тот тоннель, ведущий в Ногалес. Любопытство слишком сильно свербит внутри. Позволяю себе короткую слабость: воскрешаю в мыслях образ Райана, окутанный тревожно подрагивающей дымкой, но последующее нарастающее сосредоточение на работе не позволяет снова долго заикнуться. Каждое мое движение выверено и точно, и кажется, ничто не сможет сбить меня, пока длится поездка, однако...

Начинаю чувствовать в спине жжение. Тут же оборачиваюсь, думая поймать чей-то взгляд. Но ни Мэйвис, общающаяся с ведущим геологом, ни Элисон с Риком, ни остальные коллеги даже не смотрят на меня, каждый занятый своим делом. Ощущение наблюдения не прекращается. Хотя, может,

просто придумываю?

Передергиваю плечами, пытаюсь стряхнуть неведомое внимание, словно оно прилипло к коже, как выпавший на-зойливый волос. Поворачиваюсь к спектрометру, но нутро продолжает ныть от дискомфорта. Вновь медленно возвращаю взгляд к работающей вдали установке, людям, машине... Внимательно оглядываю каждую деталь, чтобы найти источник. За мной будто следят, но я не понимаю кто.

Смотрю вдаль, озирая барханы и то, как волшебной золотой пылью с них сдувается песок. Подмечаю несколько красных холмов из неизвестной породы, обветренных и уродливых. Сухие кустарники там, где меньше песка и больше степная земля. Да что ж такое? Чувство, будто по мне проводят лучом сканера. Будто пытаются считать мою суть.

Ощущаю, как позвоночник обволакивается напряжением. Пот стекает по вискам, но, замерев, боюсь вытереть его, и это так глупо... Как будто кто-то, кто наблюдает за мной, нападёт, стоит мне поднять ладонь. Не знаю, сколько так проходит времени, как...

— Здесь пусто. — Вздрагиваю и почти подскакиваю на месте, когда ко мне обращаются успевшие подойти Мэтью и Мэйвис.

Последняя недоуменно смотрит на меня, когда я, торопливо потирая вспотевшие ладони о форму, стараюсь скрыть замешательство и флер появившегося из ниоткуда страха. Дышу тяжелее обычного. Наверное, со стороны выгляжу так,

словно меня застали за чем-то противоправным, хотя я просто пыталась осмотреться и понять, в чем причина придуманного назойливого внимания.

Может, мне припекло голову даже через кепку Нельсона?
— Что, простите? — переспрашиваю, потому что не поняла ни контекст, ни услышала толком фразу Мэтью.

Он разочарованно повторяет, глядя в планшет и указывая взмахом руки на остановившуюся буровую установку:

— Здесь нет воды. Как и предполагал, глубина заложения нам не подходит. Не докопаем. Придется сворачиваться.

Мэйвис мрачнеет, когда слышит его, а я судорожно выдыхаю, тут же забыв о неприятных ощущениях ранее:

— Но как... Мы...

— Ты слышала его, — отсекает Мэйвис, хмурящая брови, затем оглядывается на остальных из нашей команды. — Все слышали Мэтью. Наше пребывание здесь более бессмысленно.

Быстрым взглядом окидываю часы на руке: мы в Соноре всего два часа... Неужели все напрасно? Разочарование Мэйвис волной передается и нам: не успели развернуть лабораторию и все подготовить, как снова все собирать... Уже не думаю о том, что чувствовала чей-то взгляд, не обращаю внимания на жару, угнетающее солнце и долбанный песок, который медленно начинаю ненавидеть. Не думаю о последних событиях и тревоге, ставшей постоянной спутницей... Вижу только отразившуюся пустоту в зрачках начальницы, когда

мы обмениваемся долгим взглядом, и в конце концов захопываю приоткрытый рот, ощущая, как понижают плечи.

— Завтра получится, — насколько могу ободряюще шепчу Мэйвис, когда Мэтью отходит, чтобы раздать указания своим, но она не говорит ничего, с каменным лицом запрыгивая в кузов трака.

Пусть старицы рядом с Ногалесом нас не подведут.

Пожалуйста...

Беспрепятственно тем же путем возвращаемся в Тусон ближе к закату. Мэйвис глубоко погружена в мысли и более не общается с нами, напоследок бросив сухое *«До завтра»* и отпустив команду домой. Понимаю, как для нее важно найти источник воды, и чувствую, как заражаюсь упадническим настроением. И хотя предстоят еще две поездки, надежда медленно начинает угасать. Думаю, Мэтью еще получит нагоняй от Мэйвис, когда она выйдет из оцепенения, за некорректные расчеты. В конце концов, во все времена найти воду в пустыне — почти непосильная задача...

Обстановка в городе спокойная: улицы живут своей жизнью, и только у военного штаба и казарм едва заметное оживление. Несмотря на усталость, прибывающую к земле, спешу туда. В диспетчерской дают мало информации и не позволяют в этот раз связаться с Райаном, но главное то, что с

его отрядом все в порядке. Они вместе с другими военными вышли на переговоры с Финиксом. Стрельба временно прекращена, и если бы не это «временно», я бы смогла с чистой совестью подрезать внутри себя хотя бы один отягощающий трос нервозности.

Больше всего сейчас хочется в душ, а затем в постель и забиться исцеляющим сном, но пустой желудок слишком призывно урчит, а шкафчики на кухне давно не видели провизии, поэтому, еле волоча ноги, иду на склад.

Тучная женщина в военной форме, зажав между зубов то ли спичку, то ли зубочистку, скептически оглядывает мой пропуск и уходит в дальние ряды за всем необходимым. Через минуту она возвращается с двумя коробками: крупной и средней.

— Консервированная говядина, фасоль, соль, лепешки, спички... — нудным тоном начинает перечислять и отмечать в специальном листе у себя то, что выдает.

Слух на время отключается, пока я, держа рюкзак на одном плече, переминаюсь с ноги на ногу, мечтая рухнуть на матрас, чтобы утешить свой расшатавшийся от поездки в траке позвоночник. И резко включается на бестактно-громком...

— Презервативы. — Она скучающе двигает ко мне коробку поменьше, на которой, как назло, со всех сторон крупные надписи о содержимом.

Класс. Как школьница, оглядываюсь по сторонам — у

стойки я благо одна. Нести это по улице, полной военных и знакомых Райана, как-то не улыбается: интимное должно оставаться интимным. С тяжелым вздохом осматриваю все, что подвинули в мою сторону и пересчитали, благодарю сотрудницу и обдумываю, как бы лучше все уложить. Сначала даже хочу отказаться от контрацепции: ее выдают по мере необходимости, а с учетом последних событий, одной все-ленной известно, когда этот несчастный секс в моей жизни случится. Не до него... С другой стороны, раз есть поступление — а производят их в одном из городов подальше и привозят не всегда, — нужно брать, чтобы остался запас.

В итоге, раскрыв рюкзак, переносу туда часть упаковок, уместив почти все, остальное закидываю в большую коробку с едой. Коробку от презервативов возвращаю сотруднице и с тяжелой ношей возвращаюсь домой.

Оставив рюкзак в коридоре и скинув ботинки, прохожу на кухню и сначала все-таки приступаю к готовке, как бы ни хотелось растечься галлием¹⁴ на гарнитуре.

Наспех поужинав и оставив грязную посуду в раковине — на ее мытье сил и желания точно нет, — буквально вваливаюсь в ванную, а после в спальню, рухнув еще чуть мокрая после душа на кровать. Мозг чувствуется перегруженной системой: не хочу анализировать поездку, думать о навалившихся проблемах, планировать и так сложный завтрашний день.

¹⁴ Галлий — металл, который тает в руках. Его температура плавления — всего 29,8 °C, что позволяет расплавить его в тёплой воде и даже в руке.

Внутреннему компасу достаточно знать, что Райан в порядке, чтобы так хаотично более не кружить стрелку. Остальное подождет. Нужно восполнить моральные и физические ресурсы. Сейчас я даже не в состоянии лечь нормально: так и засыпаю поперек, скомкав простыни.

Еще не представляя, что будет ждать впереди.

Глава 11

Прикрыв веки на секунду-другую, наслаждаюсь красноватыми бликами под ними. В этой части Соноры ветра меньше: почти не чувствую на коже лица песок. Распахнув глаза, вновь смотрю на работу буровой установки поодаль: по ощущениям, мы будто во временной петле, где все действия почти одинаково повторяются, и только небольшое изменение ландшафта пустыни намекает на то, что наступил новый жаркий день. И началась новая экспедиция.

— Влияние урана на аллотропическое превращение в тории не обнаружено... — бубнит сидящая рядом на раскладном стуле Мэйвис, аккуратно листающая папку.

Ее алая помада в пустыне смотрится гротескно. С утра сегодня я не забыла взять труды дедушки с собой: Мэйвис попросила папку в поездку, чтобы не затягивать со знакомством. Не забыла я и платок, собственную кепку, салфетки и солнцезащитные очки с диоптриями, которые заменили прежние. Вешаю их за край формы, пока пережидаем в тени, наблюдая за работой геологов. И молясь неведомо кому, чтобы в этой первой старице, которой также больше нет, воду из недр земли удалось достать.

Рик, Элисон и еще двое наших коллег — Фрэнк и Питер — возятся в мобильной лаборатории, где я свою часть подготовительной работы уже завершила. Сощурившись, смотрю

рю вдаль: здесь скалы терракотового оттенка, их больше, где-то даже виднеются пещеры. И песка словно чуть меньше, и кучнее встречаются сухие кустарники.

— Насколько близко мы к Ногалесу? — вытерев проступивший пот платком, спрашиваю я читающую рядом Мэйвис.

Этот вопрос меня все еще волнует. Она, не отвлекаясь, отвечает:

— В паре миль.

— Ты уверена, что безопасно так близко подбираться к *ним*? — чуть осипшим голосом продолжаю я, вспоминая все, что мало-мальски знаю о подземном городе и натянутых отношениях Тусона с его жителями.

— Уверена. Это нейтральная зона, — твердо заявляет Мэйвис, украдкой взглянув на меня. — Им эти места не принадлежат... По крайней мере, по информации от военных.

Последнее звучит как-то... неубедительно.

— С сопровождением было бы спокойнее... — откинувшись на тканевую спинку стула, говорю я, наблюдая, как она перелистывает страницу.

— Да, но у Фергюсона своих проблем достаточно, — резонно замечает Мэйвис и уже дольше смотрит на меня, повернув голову. — Слышала, они о чем-то там договорились. Твой жених вернулся?

— Еще нет...

Она хмыкает, аккуратно закрыв папку и уложив на коле-

ни. Пару минут мы всматриваемся в бурную деятельность бегающих вокруг установки геологов в компании Мэтью, и начальница неожиданно спрашивает будничным тоном:

— Когда планируете свадьбу?

Коротко вздыхаю, подбирая более-менее дипломатичный ответ, ведь говорить: «*Не знаю*» — будет крайне странно. Тогда в кафе мы с Райаном так и не договорились о дате.

— Если бы не эти события, может, уже и назначили бы церемонию в церкви.

Мэйвис лениво потягивается, отчего воротник формы чуть раскрывается и показывается татуировка. Хочется спросить про ее значение, но сдерживаюсь — мы довольно сблизилась за короткое время, но, пожалуй, еще не настолько. Она встает напротив меня, положив папку на сиденье, упирает руки в бока и с ехидством говорит:

— Церковь... Прежние устои разрушены, мир на грани вымирания из-за недостаточности ресурсов, чертова радиация просуществует еще лет триста минимум, а люди решили оставить церкви.

В какой-то части иронии Мэйвис права. Поразмыслив, поправляю кепку, нацепляя ниже, чтобы защититься от проворного луча солнца, пробивающегося сквозь навес тента, и миролюбиво говорю:

— Некоторым важно продолжать во что-то верить. Даже если это всего лишь символ былого... Вопрос религии всегда вызывает у людей разногласия.

— О да! — вдруг вспыхивает Мэйвис, растягивая губы в довольной улыбке, которой я невольно заражаюсь. — К примеру, я верю в науку, а мой мужик — в смерть. Представляешь? И вот как ему объяснить, что каждый день вижу эту его «смерть» в разных интерпретациях в микроскопе, анализаторах и колбах?

Не удерживаюсь от смешка, который она подхватывает. Ни я, ни Рик не в курсе личной жизни начальницы, и на моей памяти это первый раз, когда она упоминает о ком-то. Какие необычные предпочтения в вероисповедании у ее второй половины...

— Интересно было бы понаблюдать за вашей перепалкой по этой теме, — отсмеявшись, мягко говорю я и тянусь к бутылке с водой.

— Каждая из них как ядерный взрыв. Единственный тезис, в котором мы обычно сходимся: в постели он бог.

Сказанное вызывает очередной приступ смеха у нас обеих и недоуменные взгляды Нельсона, подошедшего с планшетом. Он собирается что-то спросить, но в этот момент относительную тишину округа нарушает резкий победный крик Мэтью издалека:

— Есть!!! Вода есть!

По моим ощущениям, оставляемая за колесами машин

пыль может вызвать новую бурю — настолько стремительно несемся в Тусон. Стараемся как можно быстрее вернуться с образцами, которые прошли первичные тесты в мобильной лаборатории.

В кузове царит невероятный энтузиазм, который можно нащупать в горячем воздухе: мы неустанно обсуждаем полученные результаты, которые теперь нужно еще раз подтвердить в более профессиональных условиях. Приятное возбуждение и лихорадка окутали каждого, кто увидел налитые в пробирки образцы, когда геологи смогли извлечь воду: мы словно добыли первое золото в мире.

— Так, все, пошли вон... Столпились тут. — Мэйвис прогоняет любопытствующих коллег у дверей лаборатории, как только оказываемся в Линкольне.

— Это вообще-то общая победа, — забавно надувает губы Мэтью, видя, как его сотрудников не допускают, и опирается бедром на стол начальницы.

Я, Рик, Элисон и остальные, переодевшись и умывшись, с глупыми счастливыми улыбками юркаем за дверь нашей обители, напоследок услышав:

— Никто не отрицает, но в лабораторию твоих кровов-спецов я не пущу. Ты знаешь правила. Жди вестей, и готовьтесь к завтрашнему отъезду.

Строго и обрубаяще, как всегда. Иногда Мэтью становится жалко, хотя мне и не представляется наша Мэйвис другой — держать всех в узде буквально ее стихия.

— Поедем и завтра? — тихо спрашивает Элисон, потирая нос, когда начальница заходит за нами и слышится писк электронного замка лаборатории.

Тоже поднимая на нее взгляд, отвлекшись от стеллажа с реагентами, где ищу подходящие для проведения исследований полученных образцов на содержание радиоактивных веществ.

— Конечно, — безапелляционно заявляет Мэйвис, поправляя рукава халата. — Я не могу рассчитывать только на один источник. А теперь за работу.

Вразнобой киваем, не смея спорить. Одной поездкой больше, одной меньше — место для нового будущего колодца мы точно нашли. Касаюсь вернувшегося после раздевалки на шею кулона, мысленно посылая удачу Райану, убираю нить за шиворот и приступаю к анализу. Мерное гудение аппаратов, постукивание пробирок, звуки всплеска жидкостей в мензурках — моя любимая какофония охватывает помещение. Сосредотачиваюсь на пробоподготовке выделенного мне образца.

Через пару часов подзываю Мэйвис, которая все это время сосредоточенно вписывала что-то в планшет. Возможно, составляет запрос в военный департамент на освоение нового колодца в Соноре.

— Смотри, — указываю ей на экран своих данных, снимая перчатки. — У нас тут альфа-активность.

Она пристальным взглядом всматривается в результаты

спектрометра. Поправив очки, продолжаю:

— Превышает принятую норму.

— Что ее вызывает?

— По моим предварительным подсчетам, это из-за изотопов радия, урана и тория. В частности, двести двадцать восьмого и двести тридцатого. Долгоживущие красавчики.

— Впервые слышу такие лестные обозначения изотопов, — усмехается Мэйвис, на что я улыбаюсь, и затем с большим беспокойством спрашивает: — Ты уверена, Фел? Насчет тория?

Не поправляю ее сокращение, как и не чувствую фамильярности: на самом деле это Райан зовет меня Фици, для остальных я как раз таки чаще всего — Фел.

— Да, — убежденно говорю я, пока не понимая, почему именно этот элемент вызвал вопрос, с учетом того, что тот же уран более опасен. — Но мне нужно еще немного времени, чтобы дать конкретные цифры, доктор Джонсон. Я мало работала с торием, знаю о нем много, но в теории, поэтому...

Мы в лаборатории не одни, поэтому соблюдаю субординацию. Мэйвис хмурится, но медленно кивает. Осмотрев данные еще раз, поджимает губы.

— Кстати, твоё портфолио прислали. Наконец-то. — Она отходит к своему столу, нацепляя обратно снятые на время очки-половинки, затем указывает на папку с исследованиями деда на своем столе. — Ты действительно больше специалист по урану и полонию, но, может, знания Алонсо по то-

рию тоже помогут?

Тепло улыбаюсь, обрадовавшись, что документы по мне поступили в Линкольн, и, долгим взглядом посмотрев на папку, соглашаюсь. Чувствую затопляющее спокойствие, словно дедушка рядом и действительно окажет поддержку, и, решив передохнуть с минуту, вновь возвращаюсь к исследуемому образцу.

В котором в итоге концентрация тория превышает допустимые значения, что совсем не радует Мэйвис и озадачивает меня. Ее лицо мрачнеет еще больше, а брови так и остаются сведенными до конца дня, из чего я делаю вывод, что факт такой концентрации тория Мэйвис почему-то по-особенному не угодил...

Утро следующего дня наступает слишком быстро. Эту ночь я спала беспокойно: снились расчеты, молекулы тория, снова Сонора, раненый Райан, и так по кругу. Наспех позавтракав и собравшись, привычно подхватываю рюкзак и выхожу на крыльцо. Небо устлано тяжелыми кучевыми облаками, и солнца пока не видно. Возможно, в поездке к последней старице будет прохладнее...

На ходу протираю тряпочкой очки, пока шагаю по дороге рядом с военными зданиями. Проезжающий мимо джип поднимает пыль с теплого асфальта, отчего слегка кашляю,

затем решаю перейти на другую сторону, следуя вдоль гаражей и ангаров. И вдруг вижу, как издалека навстречу идет... Майкл.

Застываю и, щурясь, всматриваюсь в его фигуру. Да, точно. Это он. Вернулись? Возобновляю шаг, ускоряясь, и вскоре громко зову:

— Майкл!

Он поднимает взгляд от какой-то серой папки, которую держит в руках, и тут же улыбается.

— О. Привет, Фелиция!

— Уже? Наконец-то! Когда вернулись? — забрасываю его невпопад фразами, чуть запыхавшись, когда сокращаем расстояние друг до друга и дружески обнимаемся.

— Около двух часов назад, — добродушно улыбается он, отстраняясь, и зажимает папку под мышкой. — Не переживай, Райан в порядке. Ошивается где-то здесь, думаю, скоро увидите. Ты как? Как обстановка в городе?

— Отлично, спасибо, — облегченно улыбаюсь я, чувствуя, как отпускает невидимое напряжение в плечах, все это время державшее в плену. — Как видишь, все спокойно... А что там? У Финикса? Как вообще произошло это ужасное недоразумение?

Майкл поднимает на лоб солнцезащитные очки, в которых сейчас нет острой необходимости, и, поразмыслив, медленно отвечает:

— Не все могу рассказать, сама понимаешь, но надеюсь,

что мы договорились с ними. Сам до сих пор не пойму, какого черта их военные проявили агрессию...

Участливо киваю, поджав губы, и попутно оглядываю пространство за широкими плечами Майкла: утренняя суета прохожих и солдат, строевой марш какого-то отряда, проезжающие машины цвета хаки. Райана пока не видно, как и других ребят его группы...

— Генерал сообщил, что вы там что-то придумали с водой. И нашли новую скважину, — с воодушевленной улыбкой говорит Майкл, возвращая этим мое внимание к себе.

Мэйвис, наверное, решила проинформировать военный департамент о промежуточных достижениях по проекту.

— Да, представляешь! — оживляюсь, вспоминая наши первые эмоции после бурения, и поправляю рюкзак на спине. — Правда, там не все так просто... Придется проводить несколько серьезных этапов очистки, если хотим сделать ее питьевой. Нашли радиоактивные металлы в составе...

Теперь задумчиво кивает Майкл, пока я нетерпеливо принимаюсь покусывать губы: успеть бы увидеть Райана до работы. Мэйвис потребовала не опаздывать сегодня: последняя точка в Соноре находится чуть дальше, ехать придется дольше.

— Элисон иногда рассказывает мне про это вот ваше все, — мечтательно делится вдруг Майкл, тут же вызывая мое удивление. — Тема радиации вообще очень интересная, хоть я ничего в этом не смыслю. Знаю только про уран и что от

него почистить что-то сложнее...

— Вы с ней знакомы? — замаявшись, перебиваю его.

— Ага. Ну ты понимаешь... Подбиваю клинья, — усмехается Майкл, а я, приподняв брови, улыбаюсь в ответ.

Ну ничего себе. В жизни не подумала бы... Майкл и Элисон? Они даже внешне друг другу не особо подходят.

— Ну надо же... — тяну я, но тут же чуть откашлявшись, чтобы не показаться бестактной, увожу разговор обратно к урану, в котором Майкл на самом деле не особо разбирается, просто бросаясь общими фразами: — В тех найденных водах все немного сложнее. Нас больше смущает наличие тория, нежели урана... Спроси как-нибудь у Элисон, она, думаю, с удовольствием тебе о нем тоже расскажет.

Радуюсь, что смогла аккуратно закольцевать личную тему, при этом не уйдя в поучительные лекции о радиации, и мы с Майклом вновь вежливо улыбаемся друг другу.

— Кстати, не знаешь, где конкретно могу найти Райана? — взглянув на часы и отметив, что уже немного опаздываю, спрашиваю я вдогонку.

— Да, конечно, — охотно говорит Майкл, перехватив папку поудобнее, и поворачивается боком. — Вон в тех ангарах посмотри, мы расстались с ним там. Он был с Дакотой.

Последнее проводит по нутру лезвием, хотя для этого нет повода. Дакота такой же боец отряда, хоть и механик, неудивительно, что после поездки они с командиром отряда могут что-то проверять по автомобилю. Сглотнув ставшую от-

чего-то вязкой слюну и игнорируя крайне странно восставшую интуицию, благодарю Майкла, и мы прощаемся.

Направляюсь в указанное здание. Захожу в прохладное полутемное помещение, где молчаливо стоят два «Хаммера». Никого. Нервно тереблю кулон на шее, вертя головой. Осматриваюсь напоследок и собираюсь уйти, смирившись с тем, что увижу Райана уже только вечером, как вдруг... До слуха доносятся звуки.

Захожу за один из внедорожников и вижу полуоткрытую дверь, пропускающую полосу света. Шаг за шагом, и...

Звуки становятся четче. Их не спутаешь ни с чем.

Стоны. Шлепки. Тихие бессвязные грязные ругательства...

— Еще немного... Райан! Я сейчас... Уже...

— Блять... Какая же ты все-таки ненасытная...

Как и не спутаешь ни с кем голоса, страстно произносящие это...

Отшатываюсь к кузову джипа, со всей силы задев рюкзаком боковое зеркало. Загнанно дышу, ощущая пульс в глотке. И попросту не могу поверить. Ни в то, что слышу, ни в то, что увижу, если зайду за порог.

Но заходить не приходится: от моего случайного удара отлетает какой-то кусок то ли пластика, то ли поворотника с зеркала, и с шумом приземляется на пол. Звуки за дверью тут же затихают. Как идиотка, стою изваянием, не сразу осознав, почему кожу щек стягивает, а губы чувствуют соленую

влагу. Не могу сдвинуться. По телу прокатываются судороги.

На пороге показывается Райан, застегивающий ширинку, а за его плечом мелькает растрепанная Дакота. Мы сталкиваемся взглядами, и в его я вижу шок, непонимание, злость и остатки похоти...

После помню лишь мельтешение кадров. Потому что убегаю из ангара под оклики и останавливаюсь лишь тогда, когда врезаюсь в фигуру Мэйвис у лаборатории, давясь не только сбившимся дыханием, но и слезами, которым нет конца.

Глава 12

— Доктор Джонсон, тут какая-то брехня с...

Голос вошедшего в кабинет Нельсона слышится будто издалека. На слух наброшена плотная пелена. Стою, слегка покачиваясь, вцепившись зубами в нижнюю губу, и реву до одури. Обняв дурацкий рюкзак и прижав его к груди, словно от его наличия зависит моя жизнь.

Полностью покрошенная на осколки.

— Выйди. — Но вот обрубающий ответ Мэйвис слышу четче.

Это немного отрезвляет. На несколько долгих секунд. Дверь сзади затворяется, и наступает тишина.

— Дай угадаю, — тихо говорит Мэйвис, обойдя свой стол и встав ближе. Пытается поймать мой взгляд, который я отвожу и всхлипываю. — Женишок оказался...

Не могу. Не могу слышать эти наречения...

— Остались... еще... сигареты? — подавив вой, перебиваю шепотом, едва шевеля губами.

Впервые это делает не Мэйвис, а я. Ее ответ выходит слишком мягким, отчего не к месту чувствую себя более униженной:

— Идем.

Бездумно следуя за ней, поддерживаемая ею за локоть. Кадры снова выпадают из памяти, где острой, вонзенной ку-

валдой с шипами только одна картинка...

Райан. Дакота. То, как он грязно ее трахал. Не нужно видеть это воочию, чтобы точно представить...

Возвращаюсь в реальность, когда мы оказываемся на первом этаже недалеко от ресепшена и заходим в небольшую стеклянную комнату с обозначением табака. Курительная.

Мэйвис выуживает из кармана коробочку и спички, молча протягивает самокрутку, внимательно наблюдая за мной.

Слизь из носа размазана над верхней губой, слезы безостановочно стекают за линзами очков, когда я дрожащими пальцами закуриваю вслед за ней, поднеся скрученную трубочку к огню.

— Ты к-как будто... — Дым застревает в глотке, где и так стеклянными кольями вонзена боль. Я заикаюсь. — З-знала...

Наконец-то смотрю на Мэйвис. Она прислоняется бедром к прозрачной стене, затем неспешно стряхивает пепел в специально выделенный отсек. Осторожно кивает мне, смотря на реакцию. Вспоминаю тот ее странный комментарий про выбор, когда мы вместе шли к штабу и она увидела Райана. С учетом того, как долго она живет в Тусоне и как часто бывает в среде военных, она могла знать и его. Знать *что-то* нем. Первый порыв — разозлиться и предъявить, почему не сказала? Не предупредила? Но он гаснет под остатками рациональности: никто не любит, когда кто-то чужой вмешивается в личную жизнь. Мэйвис не стала бы вникать в мою,

я же — наверняка не поверила бы, ослепленная чувствами.

— Слава Райана Колта идет впереди него самого. Признаться, увидев вас вместе, я задалась вопросом, что ты в нем нашла, — обрушивает она на меня подтверждающую правду, которая пронзает новым потоком страдания каждую клеточку тела. — Он ненадежный, ветреный, любвеобильный ублю...

— Прошу тебя... Перестань, — шепчу я, чувствуя, что вновь готова разреветься, и приникаю губами к сигарете.

Не знаю, о чем конкретно прошу перестать. Резать меня без ножа или нелестно отзываться о том, кому безоговорочно верила еще пару часов назад...

— Это не впервые, Фел. Он всегда любил женское внимание. И не брезговал изменами: об этом знает половина Тусона, — выдержав паузу, добивает Мэйвис.

Какая я дура, господи!

Какая дура...

Проходит долгая минута, когда поднимаю загнанный взгляд, сталкиваясь с ее сощуренным.

— Только не говори, что простишь его. Ты слишком умна для таких опрометчивых решений.

Не понимаю, как это действует, но то, что она не бросается обыденными фразами утешения, а в своей жесткой манере словно выносит мне приговор, очень медленно успокаивает развороченное нутро. Очень медленно, но все же...

— Я... Черт, я не понимаю... не понимаю, за что он так

со мной... Зачем ему была нужна я, отношения, которые он сам называл серьезными, если... — Мой голос жалостливо срыгается, и я обхватываю рюкзак крепче, прижав к себе, как дитя.

Так и дошла с ним сюда, не выпуская. Повисает долгая пауза, нарушаемая только звуками затяжек и выпускаемых никотиновых выдохов. Все еще не осознаю, что это происходит со мной.

— С кем ты его застала? — негромко спрашивает наконец Мэйвис, затушив окуроч.

Это выше моих сил. Вновь не могу произносить имен. Она считает молчание; своеобразно, но все же проявляет эмпатию. И решает пойти наводящими вопросами, пока мои слезы опять каплют на верх рюкзака и рукава.

— Она из военных?

Меня хватает только на слабый кивоч. И Мэйвис принимается рассуждать совершенно ровным тоном, как если бы рассказывала про щелочи и кислоты:

— Тогда мое предположение таково, что... Ты просто была хорошим вариантом. Для семьи. А вот с ней ему запрещено. Так, на потрахаться... — Поймав мой замутненный вопрошающий взгляд, она добавляет: — Устав не позволяет военным иметь отношения с сослуживцами. Фергюсон человек консервативных взглядов. До мозга костей семьянин. Любит, когда у его людей все четко и по правилам, как и у него: не удивлюсь, если он капал Колту на мозги, а может,

и шантажировал повышением, если тот не обзаведется семьей... Да еще и такая партия: радиохимик из Финикса. Идеальное комбо для упрочнения союза военных и ученых.

Медленно восстают другие детали из прошлого: комментарий генерала при знакомстве, запах машинного масла, который я чувствовала на Райане и игнорировала, тот случай с запиской при переезде, когда мне показалось... *Проблемы в сексе.*

Как давно все продолжалось? Как долго я жила во лжи? Если все эти месяцы мне изменяли, зачем, ну зачем нужно было доводить до переезда и брака? Дарить корунд в подарок? Спрашивать про пожелания к свадьбе? Ощущаю облегчение, когда понимаю, что, пожалуй, единственный плюс — мы ее так и не сыграли.

— Не верю, что просто была удобна все это время... Он ведь... Мы ведь любили друг друга...

Из горла рвутся дурацкие звуки, потому что сдерживаю новый поток слез. Начинаю чувствовать такой сумасшедший спектр эмоций: и невероятную злость на Райана, и отрицание, и неприятие, и желание разобраться, и отомстить, и забыть навеки, словно смешала друг с другом несовместимые реагенты.

— Иногда любовь одного затмевает так, что он не видит нелюбви другого. — Мэйвис подходит ближе, аккуратно забирая из моих напряженных пальцев истлевшую самокрутку, про которую я забыла, и гасит ее.

Касается моего плеча. Я облизываю соленые, влажные губы, все еще мясорубкой внутри перемалывая происходящее.

— Хочу забыть все, как страшный сон, — поднимаю глаза на Мэйвис, которая осторожно поглаживает плечо, и говорю искренне то, что из буйства чувств начинает укореняться: — Хочу забыться...

— Есть три неплохих варианта: алкоголь, хороший секс с другим и в работу с головой, — тут же хмыкает она. — Что выберешь?

— Не люблю в жизни две вещи: алкоголь и татуировки... — ляпаю я и, тут же утерев рукавом нос, торопливо говорю: — Прости. Твоя мне нравится.

Едва заметно киваю на шею Мэйвис, на что она хитро улыбается и отходит, вновь прислонившись к противоположной стене.

— Польщена. Ну так что, продолжишь страдать по приeurку или...

— Я даже о сексе как таковом теперь думать не могу...

Внутри такое опустошение, которое, кажется, не заполнить ничем. Выжжено. Как в Соноре... Слезы постепенно перестают литься, и даже не хочу представлять, насколько опухшим выглядит лицо.

— Это временно. Природа возьмет свое, только если ты не высоких моральных правил и не будешь ждать принца на радиоактивном коне, — со знанием дела выдает Мэйвис, и в любой другой ситуации я бы даже рассмеялась. — Остается

работа?

— Я не в состоянии... — Сознание меня обмануло и хочет теперь снова обрушить новый виток рыданий, запустив очередной круг поедающих мыслей. — Мэйвис, я... Боже, я просто подведу тебя сегодня, расклеюсь, я...

Меня мелко трясет. Хочется сползти по стеклу и осесть на пол. Как в принципе жить и работать здесь дальше? У меня никого нет в Тусоне... Я переезжала сюда за будущим мужем, и *что* получила? И главное — за что?

Мэйвис в этот раз сокращает расстояние резче. Берет за плечи, пронзающим взглядом, без шансов на отступление, впивается в мое лицо, и я не в силах отвести своего. Все, что она говорила до этого, будто было подготовкой. Теперь ее тон властный и уверенный, что вынуждает чуть сжаться, но очень внимательно слушать:

— Твой шок пройдет, а сердце склеится, Фел. Вопреки законам физики, химии и прочих наших любимых дурных наук. Сейчас тебе нужно действовать, а не жалеть себя, обняв колени в ванной. — Она поправляет очки-половинки, возвращает руку на мое плечо, продолжая наставлять, пока я, затаив дыхание, впитываю: — Действия — это продолжать жить и работать. А ванную вечером и платочки для слез я тебе обеспечу.

Недоуменно смотрю на Мэйвис, услышав последнее. И только открываю рот, чтобы задать вопрос, как она теперь уже с ленцой, в привычной манере растягивая слова, добав-

ляет:

— Если ты не готова пока видеть Колта и ставить точку, вечером после экспедиции заберу тебя к себе. Не ночевать же в лаборатории или ехать обратно в Финикс без всего.

Тихо всхлипываю, не зная, что сказать. Как выразить благодарность. Не только за это, но и за все уделенное бесценное время, когда наверняка все коллеги нас и так уже заждались... Как и зловещая Сонора, переставшая быть для меня таковой. Некоторые люди оказались хуже, чем просто сказки о пустыне...

— Тем более я не позволю этому ублюдку забрать у меня такого сотрудника. Много чести, — с неприязнью фыркнув, продолжает Мэйвис, оставляет мои плечи и берется за ручку двери курительной комнаты. — Решим, как быть дальше... А пока иди умойся и возвращайся к работе. Я поговорю с коллегами, чтобы не докапывались с вопросами.

Она пропускает меня вперед, и я на ватных ногах выхожу. Отворачиваюсь от ресепшена, потому что не хочу, чтобы Джессика видела мое зареванное состояние. Буря внутри еще долго не уляжется, но Мэйвис понятия не имеет, как много сделала для меня сейчас и как много важных слов сказала. Дала хоть какую-то опору, чтобы выдохнуть, собраться с силами, перебороть невероятную боль предательства и двигаться дальше.

— Сначала будет паршиво, Фел. Но это пройдет, — тихо говорит она, когда мы возвращаемся по коридору к лабора-

тории. — В конце концов, даже калий-4015¹⁵ все-таки распадается...

Легкая улыбка трогает мои губы и исчезает, как и шлейф последних слов Мэйвис. Не знаю, было ли в ее жизни что-то подобное, но... Любое явление имеет конец, она права, да и я это знаю. Вопрос лишь в том, как долго все продлится, когда этот конец настанет. И как долго твое доверие к людям будет мертво, пока вновь не воскреснет.

— Сегодня пасмурно, — выдает Рик, искоса поглядывая на меня с переднего сиденья.

— Ты чертовски наблюдателен, Нельсон, — с сарказмом выдает Мэйвис, сосредоточенно листая папку моего дедушки, пока я рядом с ней молча смотрю на сменяющиеся золотистые пейзажи Соноры в пассажирском окне.

Чувствую себя отвратительно. Но всеми силами гоню мысли и воспоминания прочь, словно пихаю вещи в маленький шкаф, который вывалит на меня все обратно, едва вечером останусь одна.

Когда достигаем обозначенного на карте места и Мэйвис первая выпрыгивает из кузова, тихо спрашиваю ее, перевесившись за борт:

¹⁵ Элемент с одним из самых долгих периодов распада, равный сроку существования нашей планеты.

— Я правда могу пока остаться у тебя?

Она с особым трепетом отдает мне папку и спокойно парит:

— Что-то смущает?

— Твой... ну... мужчина. Не будет против?

— Мы не живем вместе, — с оттенком загадочности отвечает она, многозначительным взглядом дав понять, что разговор окончен и пора выгружаться.

Чувствую легкий стыд и решаю больше не спрашивать ее ни о чем личном, по крайней мере, пока не закончится экспедиция. Соберись, Фелиция. Пора временно залатать работой зияющую бездну внутри.

Хочу спрятать папку в рюкзак и раскрываю его. Издав разочарованный полустон, тут же прячу лицо в ладонях, не торопясь вылезать из машины. В рюкзаке обнаруживаются оставленные презервативы со склада, которые тоже срабатывают выстрелившей пружиной по моей расшатанной психике.

Как я могла забыть их вытащить?

«Ну не выкидывать же... Еще и в пустыне...» — резонно думаю я, отняв руки, и решаю вечером оставить их в доме Мэйвис. Тяжело вздохнув, прячу папку и закрываю рюкзак.

Выбравшись из кузова, на слабом автопилоте выполняю уже ставшие привычными механические действия, пока рядом суетятся другие коллеги. Слышу за спиной приказы Мэйвис, ворчание Мэтью, смешки Нельсона... Надо отдать

должное: никто из всей команды химиков не обмолвился и словом о моем внешнем состоянии. Что неудивительно, ведь Мэйвис исполнила обещанное.

Украдкой смотрю на свое отражение в боковом зеркале. Припухлость от слез не прошла; белки глаз покраснели, а сам разрез будто сузился — по ощущениям, мне насыпали под веки песок. Губы покраснели и потрескались от постоянных укусов из-за сдерживаемых рыданий. Отворачиваюсь, не в силах выносить уничтожающую жалость к себе.

Завершив необходимые приготовления, пустым взглядом осматриваю здешнюю местность. Эта старица еще имеет очертания, не погребенные Сонорой. По левую руку видны крупные многоступенчатые скалы, полуразрушенные эрозией. Никаких кустарников, а песок выглядит светлее.

Ветер ласкающе залетает под форму, будто утешая меня. Взгляд падает на безымянный палец, затем я медленно ныряю рукой за шиворот и достаю кулон. Сил избавиться и от кольца, и от кусочка корунда на веревочке пока нет, поэтому, поджав дрогнувшие от нахлынувших чувств губы, снимаю все и убираю в карман.

Где-то неподалеку начинает работать буровая установка. Ее шум уже настолько привычен за эти поездки, что даже не оборачиваюсь. Мысли о Райане вновь подкрадываются, планируя по кусочку разъесть меня, и я позволяю себе слабость поддаться им...

«Зачем, зачем... Кому нужны были эти отношения, если

они не принесли ничего, кроме боли... Если ты хотел ее...»

Мой безмолвный монолог без адресата прерывается ощущением. Станным, одновременно знакомым ощущением.

Жжение в лопатках. Вновь чье-то нескромное внимание...

Ветер поднимает пыль, закружив в небольшие вихри, и мешает обзору, когда я резко поворачиваюсь. Осознаю, что больше не слышу работу установки, но...

Слышу что-то хлопающее, короткое, иное.

С точечным чередованием.

Паника сковывает глотку, когда понимаю, что это звук оружия.

Передо мной ящики с оборудованием и пустой навес. Один стул упал, зарывшись в песчинки. И пустота. Никого. Ни Мэйвис, ни остальных не видно — настолько я ушла в себя, потеряв счет времени, что и не заметила их ухода? Где они?

Приглушенные хлопки прекратились. Страх ложится кислым вкусом на язык. Зачем-то закинув на плечи рюкзак, словно он даст неведомую защиту, окликаю ребят и крайне медленно иду вдоль кузова трака:

— Рик! Мэйвис! Фрэнк!

Обхожу багажник и застываю, подняв врезавшимися в землю пятками кучу песка.

— Элис...

Горло сковывает спазм, но я не могу договорить ее имя. Не могу даже закричать, когда вижу распластанную на земле

Элисон с ровной черно-алой дыркой во лбу, откуда стекает тонкая, но густая струйка. Огромные глаза-блюдца остались распахнуты навсегда...

Шок сковывает конечности, но я как-то умудряюсь сделать шаг. И дальше вижу Мэйвис, на коленях, но живую. Ее рот закрыт тряпкой, руки заведены назад, а сзади стоит...

Вихрь снова налетает, отчего я жмурюсь, чувствуя, как буквально не дышу, охваченная безумием и непониманием. И в этот момент по моему затылку приходится удар.

Ноги подкашиваются. Чувствую, как меня затягивает темная бездна, как разум теряет контроль, а каждая напряженная мышца обмякает.

«Какого черта... Кто... Элисон!»— рандомно вспыхивает на краю сознания...

Не успеваю задуматься ни о том, где остальные. Ни о том, что произошло на самом деле. Ни о том, почему небо затягивает сильнее...

Со стоном приоткрываю веки, давясь песком, попавшим в глотку, и болью в затылке. Тело охвачено слабостью, топящей меня по нарастающей. И тут небо в моем обзоре закрывает массивная фигура человека, облаченная в черную форму и бронежилет. Со множеством оружия на теле.

Но не эти детали вызывают во мне первозданный, чистейший страх.

Я не могу отвести взгляда от пары внимательных блестящих темных глаз в прорезях костяной маски, покрывающей

лицо обладателя бронежилета почти до подбородка. Хватает доли секунд, чтобы понять, что маска — часть черепа. Кажется, *человеческого черепа...*

Не может быть.

Этого не может...

Слышу хруст стекла: скосив глаза, различаю, что мои очки, упавшие в песок, разломаны под тяжелым черным ботинком. Мелькает блеск дула пистолета, направленного на меня.

С губ срывается судорожный вздох, который должен был стать криком.

Но я отключаюсь.

Глава 13

Чувствую, что меня тошнит. Тошнит из-за покачивания. Нечто угловато-твердое упирается в живот. Еле разлепив веки, первое, что понимаю, — я лежу, перекинутая, как мешок, на чьем-то плече. Кто-то, черт возьми, несет меня. Связанную. На руках и ногах ощущаются веревки. Воспоминания тут же обрушиваются лавиной на проснувшийся разум: пустыня, труп Элисон, плененная Мэйвис, оружие и...

Человек в маске полу черепа.

Хочу закричать, но выходит надрывный стон: в уголки рта вонзается ткань, не позволяя сомкнуться челюстям. Диафрагма зажата и не может толком набрать воздуха. Кое-как чуть приподнявшись и опираясь локтями в спину того, кто меня несет, сквозь подступающие слезы вдруг вижу Мэйвис: ее ведут за мной по какому-то едва освещенному коридору. Похожему на подземелье. Мэйвис идет сама, но также со связанными руками, а в ее спину упирается автомат. Его держит человек, чье лицо тоже закрыто устрашающей маской.

Но он — не тот. Точно не тот...

— Фелиция! — взволнованно кричит Мэйвис.

Я вновь тщетно пытаюсь издать хоть какой-то громкий звук. И когда вижу, как ее уводят в появившуюся развилку тоннеля, начинаю рыдать, невзирая на кляп, и тяну вперед привязанные друг к другу руки, будто успею напоследок кос-

нуться ее.

— Фелиция!!!

Мэйвис, которую с силой толкнули в спину, исчезает во тьме, а моя голова обессиленно падает.

Неужели я больше никогда ее не увижу? Ее убьют? Как и остальных? Где остальные, если я видела только Элисон?

Каждую мышцу пронзает боль, стоит вспомнить о произошедшем. Меня вновь тошнит. Сознание мутится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.